18+

Эйтан Адам

Фантастика. Приключения. Детективы

Эйтан Адам

Фантастика. Приключения. Детективы

«Издательские решения»

Адам Э.

Фантастика. Приключения. Детективы / Э. Адам — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961094-2

Рассказы и повести «от Ромула до наших дней». История и фантастика, детективы и любовь, борьба и немного мистики. Для любителей — стрельба и рукопашный бой.

ISBN 978-5-44-961094-2

© Адам Э.
© Издательские решения

Содержание

Рыжие медведи 6
Волки2 20
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Фантастика. Приключения. Детективы

Эйтан Адам

© Эйтан Адам, 2019

ISBN 978-5-4496-1094-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыжие медведи

Й. Бенковичу

– Вы уверены, что мы на месте?

Да, вопрос был более чем интересен. Тем более что за штурмана был я.

Прямо перед нами возвышался крутой, почти отвесный ледяной утес метров десяти высотой. Как мы не врезались в него при посадке в тумане! Но по всем картам и описаниям местность должна была быть ровной как стол. Не говоря уже о том, что американская станция Амундсен-Скотт как сквозь землю – вернее, сквозь лед – провалилась.

– Так где же мы находимся? – спросил Первый.

Первым (*Number One*) мы его называли за глаза. Начальник экспедиции доктор Саймон Лоуренс – потомок лордов, викингов, ютов, но только не кельтов – предпочитал откликаться просто на фамилию.

– По идее – на точке. *Вот те крест! Южный,* – добавил я по-русски.

И действительно, Южный Крест был ясно виден на небе, несмотря на восход.

– Проясните, пожалуйста, свою мысль.

– GPS дает точную информацию. Звезды – тоже. Где-то здесь здоровенная озоновая дыра, поэтому обычная радиосвязь не годится, только через спутник. Если американская станция находится хотя бы в трех милях, то мы их увидим только в бинокль с этого утеса в ясную погоду, а по радио – только по четко направленной антенне. Кстати, в багаже должны быть такие антенны, можно достать и прощупать эфир.

Первый нервничал:

– У нас нет времени на эксперименты, Скорпион. – Зодиакальное прозвище приклеилось ко мне всерьез и надолго. – Если вы уверены, что мы на месте, то надо немедленно закапываться под лед. Температура – минус шестьдесят девять.

– Я уверен.

– Порядок, – он повернулся к приплясывающим ребятам. – Нам повезло, не нужно рыть открытый спуск для входа. Врубимся в этот утес, повернем и только после этого начнем рубить спуск вниз.

Он был прав.

Лед – великолепный строительный и теплоизолирующий материал, но до недавнего времени это было известно лишь народам Крайнего Севера. Но времена меняются, и вот мы – двадцать человек, строительный авангард, молодежь XXI века – должны построить подо льдом жилье, склады, а если успеем, то и лаборатории для всей экспедиции. Срок – две недели, потом должны прилететь остальные семьдесят человек.

Пока что все идет хорошо. Врубились в утес, сделали холл, повернули сначала вправо, потом вниз. Одни рубят наклонную шахту, другие выносят лед, третьи нарезают ступени, четвертые делают их ребристыми. А мы с аргентинцем Витторио и с Кошкой – имя гречанки все уже позабыли – режем вынесенный лед на кирпичи и складываем из них портик. Всех греет работа, всем весело.

– Немедленно занести весь багаж внутрь! – Это голос Первого.

Неужели уже раскопали достаточно места внутри?

Оказалось – только-только спустились на заданную глубину.

– Занести в холл.

– Давайте хоть один склад отроем. Зачем дважды перетаскивать, сначала в холл, потом вниз. Да и лед через заваленный багажом холл будет труднее выносить. А мы бы пока портик достроили…

– … а багаж завалило бы первым же снегопадом.

– На неделю вперед в прогнозе ясная погода, черт возьми!

– Вы забываете, что метеоролог – это я.

Все засмеялись.

– Не чертыхайтесь, Скорпион. Вам это не идет, – заметила Кошка.

Она была права.

Холл мы завалили под завязку, оставили только узкий и неудобный проход. И то около половины багажа осталось снаружи. По приказу Первого сложили вокруг него, зачем-то, ограду из ледяных кирпичей.

– А не худо бы насчет ленча.

– Кто сегодня дежурный по кухне?

– Я, – ответил Витторио.

– Займитесь. Ленч через час, и чаю наготовьте на потом. Остальные – продолжать.

Народ потянулся внутрь, мы с Кошкой снова взялись за портик.

Неожиданно загремели испанские ругательства.

– В чем дело, Витторио?

– Ящики с едой завалены черт знает чем! Хоть раскопки устраивай! Помогите, ребята.

– Да, похоже, сегодня мы портик так и не достроим.

– Так достроишь завтра, – заявил Бульбенко. – Хочешь жрать – принимай у меня ящики и складывай снаружи.

Он был прав.

Портик, все-таки, мы достроили сегодня. И первый склад внизу отрыли, вполне приличных размеров. И перенесли туда почти весь багаж, только еду оставили в холле, который значительно увеличили. Пахали двенадцать часов с двумя перерывами на еду. Уж очень всем хотелось под лед, в тепло!

Удивительное дело, но на глубине установилась температура минус пятнадцать, просто красота! Мы повалились на ящики и чуть ли не друг на друга, влезли в спальные мешки и просто провалились в сон.

Однако… Есть правила, невыполнение которых чревато однозначными результатами. Я поленился отлить перед сном, а в экстремальных условиях метаболизм ускоряется. Короче, не прошло и трех часов, как я вынужден был покинуть мешок и относительное тепло склада и выйти наружу – туалеты мы еще не организовали.

Спускаясь вприпрыжку обратно по лестнице, я чуть не налетел на Первого – он уселся на нижней ступеньке и принялся расчесывать свою бороду. Неужели уже встал, двужильный!

– С добрым утром, Лоуренс.

– С добрым утром, Скорпион. Как там наверху?

– Убойно.

– Естественно. А как вы думали? Но красота-то какая!

– Да я, собственно, особо не оглядывался. Но вот… – я запнулся.

– Продолжайте, раз начали.

– Мне показалось, что я слышал рычание.

– Рычание?

– Да.

– Чье?

– Да мне было не до того. Мало ли, собаки из Амундсена-Скотта бродят.

Первый внимательно посмотрел на меня:

– Я читал, что в России есть идиома – «собачий холод».

– Есть.

– И что это значит?

– Что очень холодно.

– Точнее, это такой холод, когда хороший хозяин не выгонит собак на двор сторожить. Так вот, сейчас наверху потеплело – минус шестьдесят семь. Такие температуры наблюдаются в России только на территории Восточной Якутии. Так что холод более чем «собачий», и никакие собаки ни из какого Амундсена-Скотта нигде не бродят.

Я промолчал.

– Не говоря уже о том, – продолжил Первый, – что вчера я улучил момент, влез на утес и осмотрел в бинокль окрестности. Пусто.

– Где же они?

– Я связался с ними через спутник. Оказывается, еще полгода назад они откочевали на десять миль к северу.

– Вот оно что! Так кто же тогда рычал?

– Никто.

– Но я слышал…

– … собственный сон. Вы валитесь с ног, Скорпион. А вы мне нужны бодрым. Приказываю – спать! У вас есть еще четыре часа.

– А вы?

– Я заполнял журнал, сейчас тоже пойду спать.

Нет, молекула воды, все-таки, особая субстанция. Простенькая конструкция: ядро из восьми протонов и восьми нейтронов, два электрона на внутренней оболочке и восемь на внешней, и два протона на отлете под углом сто пять градусов. А чего она только не вытворяет!

Как ни странно, все проснулись бодрыми и энергичными. Хусейн соорудил отличный завтрак, даже пожарил колбасу с яичницей и сварил кофе по-турецки. Набив животы, мы смаковали кофе и ждали ЦУ от Первого. А он, почему-то, не торопился:

– Знаете, мы сейчас находимся в огромной толще чистейшей воды, – он словно размышлял вслух. – Ни в какой водоем мы не можем погрузиться так полно и так надолго, как в этот лед. К тому же, он нас, можно сказать, греет. С ума сойти! – И Первый усмехнулся.

На него, бывает, находит. Но быстро проходит.

– Ну, ладно. Сегодня начинаем главный туннель. Точное направление я покажу. Высота – два с половиной метра, не ниже. Ширина – четыре метра, не уже. Слой льда над потолком – девяносто-девяносто пять сантиметров. Если повезет, то такой слой может неплохо пропускать дневной свет. Пол – ребристый. Кстати, пол везде ребристый, не лениться, а то ноги переломаем. Вчерашний склад – ладно, он уже завален, но холл и портик – Жан-Жак и Джо.

– А что такое? – прочухались оба поименованных любителя покера.

– Задание вам. Понятно?

– Да.

– Повторите задание.

– Сделать ребристый пол в холле и в портике, – сказал Джо.

Вот талант у человека – даже во сне слышит и запоминает все, что происходит вокруг. К собственному удивлению.

– Главный туннель – бригада Скорпиона.

– С каких пор у меня есть бригада?

– Витторио и Кошка – портик у вас вчера получился отлично.

– А-а.

– Лю, с вами – Иоганн, Иоганнес, Бульбенко и Маша. Делаете второй склад, справа от главного туннеля. Размер – восемь на десять, высота и слой льда – те же самые. Посередине оставьте пару столбов для опоры потолка, рассчитайте сами, где и какого сечения.

– Есть, сэр.

– Ганна, берите себе остальных девчонок. Слева от туннеля – санитарный блок, пять посадочных мест, пять душевых кабинок. Справитесь вчетвером?

– Справимся.

– Санитарный блок пока что будет один, пользоваться будем по очереди. Кто там остался? Йог, Самурай, Каннибал, Скальп, Хусейн. Вынос льда, нарезание кирпичей по мере надобности. Когда бригада Лю закончит, вместе с ними окончательно разместите багаж.

– А когда мне еду готовить? – спросил Хусейн.

– Успеете переключиться. Вопросы? Все заняты.

Мы начали расходиться.

– Ребята, если не хотите остаться голодными, напомните мне хотя бы за час. А то я вечно забываю посмотреть на часы, – попросил Хусейн.

Хусейну напомнили вовремя, обед был как надо. А Первый, пожалуй, прав: во льду чувствуешь себя иначе, как-то приподнято.

Под вечер Первый позвал всех на размещение багажа:

– Пищу – на первый склад, все остальное – на второй. И разложить как следует, а то приходится все переворачивать из-за каждой ерунды.

Что да, то да. Но возня пошла по-крупному. Почти у каждого была ответственность за ту или иную часть багажа, каждый выставлял свои требования, свеженазначенный завскладом Иоганн нудил и бубнил, а склады, все-таки, были малы.

Что касается меня, то я просто вытащил оба своих медицинских сундука в главный туннель. На немой вопрос Первого я ответил:

– Пока не оборудовано отдельное помещение для медпункта я предпочитаю иметь временный травмопункт прямо в главном туннеле. Проще всего с точки зрения логистики.

– Уберите обратно на склад.

– Что?

– Уберите обратно на склад. Мы сюда приехали не травмироваться и даже не напоминать друг другу о самой возможности травмы. Если же вы надеетесь набраться здесь медицинского опыта, то я вас отправлю назад с первым же рейсом.

– Но моя ответственность…

– Моя ответственность повыше вашей. Но хватит спорить. Я скажу Иоганну, чтобы он вам выделил место у самой двери. Считаю на этом разговор оконченным.

– Но…

– Вам нужно письменное распоряжение?

Он был прав. Письменного лучше не нужно.

Но и разместив окончательно багаж мы не получили отдыха. Хусейн отправился готовить ужин, а всех остальных Первый погнал продолжать работу. По дороге я решил заглянуть в санитарный блок.

Девчонки потрудились на славу. Получилось даже уютно. Но вдруг я заметил, что пластик они использовали только для внутренних перегородок, а внешние стены остались голым льдом.

– Ганна?

– *Шо*?

– В душевых кабинках стены – голого льда.

– Да я сама знаю. Пластика мало, *треба* экономить.

– «Экономить»! Так, по-твоему, человек будет принимать горячий душ в считанных сантиметрах от ледяной стенки?

– Вот будет еще пластик – *зараз* сделаем.

– А пока что будем делать?

– А пока душ еще не работает. Еще энергоблока нет, разобран. Пока энергоблок, пока таятель, пока трубы…

Она была права. Но какой облом – а я-то надеялся не сегодня-завтра на горячий душ!

Под занавес Кошка отличилась. Я пробивал туннель вперед, от злости рубил быстро, они с Витторио поотстали, я на них, зачем-то, наорал. И тут Кошка, расширяя туннель за моей спиной, обрушила здоровенную глыбу льда.

Я обернулся. Глыба кубометра в четыре перекрыла мне отход. Только в маленьком просвете под сводом показались испуганные Кошкины глаза:

– Я вас не задела?

– Ужин… ужин… – послышались вдали заунывные призывы Хусейна.

– Нет. Не задела. Замуровала! Перед самым ужином! – я буквально шипел от злости.

– Мы пойдем, ребят позовем. Держитесь.

– Бегом!

Строго говоря, ничего страшного не случилось. Даже в одиночку я мог пробиться обратно за какой-нибудь час. Но горячий ужин!

Их шаги стихли. Я присел, от усталости гудели ноги. Но странный шум привлек мое внимание, и я поднял голову. Из-под свода на меня глядела рыжая медвежья морда.

Я даже не испугался. Несколько секунд медведь смотрел на меня, потом начал чего-то шуршать. Я не сразу понял, что он пытается сдвинуть закрывающую меня ледяную глыбу.

– *Винтовку!* – заорал я не своим голосом. – *Винтовку! The rifle!* – до меня вдруг дошло, что лишь немногие вокруг понимают по-русски.

Раздался истошный женский визг. Медведь рыкнул, повернулся и начал уходить, я отчетливо слышал его когти.

Послышался топот ног, крики наполнили воздух. Вдруг десяток рук вцепились в края глыбы, и через несколько секунд я был свободен.

– Что с тобой? – схватил меня за плечи Бульбенко. – Какую тебе, *к бису*, винтовку?

– Здесь был медведь!

– Сам ты медведь! С дипломом.

– А кто визжал?

Сквозь толпу ко мне прорвались Витторио и Ганна.

– Вы в порядке? – спросил Витторио. – Кошку до сих пор трясет, она в санитарном блоке.

– Сейчас зайду на склад, достану ей успокоительного. Так он удрал?

– Кто?

– Медведь!

– Какой еще медведь? – голос Первого словно призвал всех к порядку. – Кто-нибудь может связно рассказать, что случилось?

– Я расскажу, – сказала Ганна. – Я как раз собралась выходить из санитарного блока, когда Скорпион заорал про винтовку, а затем завизжала Кошка. Я открыла дверь, Кошка визжала возле нее, Витторио пытался что-то сделать, а к ним приближался медведь. Я втащила обоих в санитарный блок и закрыла дверь. Очень быстро прибежали ребята, я открыла дверь, медведя нигде не было. Все.

– Мы с Кошкой как раз проходили мимо санитарного блока, – добавил Витторио, – услышали вопли Скорпиона по-русски, обернулись – на нас идет медведь. Кошка завизжала как резанная.

– Кто еще видел медведя, кроме этих четверых?

Молчание.

– Кто был на первом складе?

– Я, – ответил Каннибал. – Меня Хусейн послал за кетчупом.

– Кто был на втором складе?

– Я был, – сказал Иоганн. – И Маша была со мной.

– А мы были в холле, собирались ужинать. Услышали крики, бросились вниз по лестнице, – сказал Жан-Жак.

– А сам я был снаружи, осматривал нашу «крышу», потом пошел ужинать, – резюмировал Первый. – И получается, что кроме тех, кто был дальше всех от входа, никто белого медведя за тысячу миль от ближайшего берега моря не видел.

– Не белого, а бурого, – подал голос Витторио. – Или гризли.

– Рыжего, – заявила Ганна. – Даже темно-рыжего. Бурых я знаю.

– Я, конечно, не специалист по позвоночным, я больше по бактериям, мхам и лишайникам, – подал голос Джо. – Но насколько я помню, во всем Южном полушарии нет медведей. Ни белых, ни бурых, ни гризли, ни черных. А о рыжих медведях я вообще никогда не слышал.

– Так или иначе, четыре человека с трех разных позиций видели медведя, – сказал я. – Лоуренс, сколько у нас винтовок?

– Восемь. Магазинные винтовки Маузера, присланы Южно-Африканской Республикой, и триста патронов на каждую.

– Винтовки Маузера из Южной Африки? Они же, небось, времен Англо-Бурской войны!

– Что, плохие?

– Наоборот, хорошие, только большие и тяжелые.

– Вы их знаете?

– Нет, но я про них читал.

– Кто-нибудь из здесь присутствующих разбирается в таких винтовках? Или в однотипных?

Молчание.

– Я готов разобраться, – заявил я.

– Что значит «готов разобраться»? Это же оружие!

– Я – бывший младший командир израильской пехоты. Я умею стрелять из автоматов «Галиль», «М16» и «АК», из пистолет-пулемета «Узи», из пулеметов «FN MAG» и «Браунинг М2», умею обучать солдат, имею боевой опыт. А про магазинные винтовки я читал, принцип действия мне известен. Я готов разобраться в конструкции и обучить остальных.

– Так, – заявил Первый. – Хватит трепаться. Рыжий медведь в центре Антарктиды, да еще использующий потайные ходы во льду – это, ребята, Нобелевская премия. Что-то никто из вас четверых на Нобелевского лауреата не похож.

– А это на что похоже? – спросил я, указывая на четкие следы когтей на глыбе льда.

– Это похоже на лед, который забыли вынести на поверхность, – спокойно ответил Первый. – Так что, будьте добры, разрежьте его и унесите. А потом – ужинать. Хусейн, через четверть часа разогрейте ужин заново, а то у вас уже все, наверное, остыло.

В этом он был прав.

Ужин прошел в молчании. Потом мы наслаждались сладким чаем, одновременно бодрящим и успокаивающим.

Первый от чая отказался, что-то нервно чиркая в блокноте. Потом сказал:

– Уж извините, придется некоторым из вас подробно поговорить со мной после ужина, ответить на вопросы. Я еще не решил, сообщать ли на базу, но в журнал я обязан точно записать все ваши свидетельства. Таков порядок, со времен парусного флота. Если же мне придется сообщить на базу, то это будет полномасштабное ЧП, и весь график работ будет сорван. А он у нас довольно плотный.

Что да, то да, график плотный. Впрочем, знали, на что шли.

– Итак, продолжаем главный туннель строго в указанном направлении. По правую руку – еще семь таких же складов, потом кухня – шесть на шесть, потом помещения для энергоблока, для таятеля, для цистерн с горючим и для цистерн для воды. По левую руку – двадцать две четырехместных комнаты три на шесть, такая же комната начальника экспедиции и такая же комната врача, она же – медпункт, итого двадцать четыре одинаковые комнаты. И еще три санитарных блока, распределите равномерно по всей длине, через каждые восемь комнат. И в середине – кают-компания, пятнадцать на десять. Но ее будем рубить в конце, а пока только наметить. Толщина стенок между помещениями – пятьдесят-шестьдесят сантиметров. И еще два выхода на поверхность – в середине и в конце главного туннеля, и для них – боковые туннели.

– А, может быть, все-таки сначала энергоблок и таятель? – робко спросила Маша. – И запустим хотя бы одну душевую.

– Исключено, – отрубил Первый. – Склады прежде всего. Не забывайте, следующий рейс через пять дней, и это будет значительная часть оборудования.

Бедная Маша! Впрочем, девчонки получили хорошие гигиенические наборы на все случаи жизни.

– Сегодняшние бригады сработались хорошо, не будем их менять. Бригада Лю – продолжайте рубить склады. Вы вполне способны вырубать по полтора склада в день. Бригада Скорпиона – главный туннель и боковые выходы. Сегодня в конце дня вы показали неплохой темп, держите его. Бригада Ганны – жилые помещения. Комнаты рубить гораздо проще, чем оборудовать санитарные блоки, так что давайте. Бригада Каннибала – вынос льда. Жан-Жак и Джо – резерв, но если нет конкретных указаний, то помогаете бригаде Лю. Кто завтра дежурный по кухне?

Я молча поднял руку.

– По крайней мере, все будет подано вовремя, – усмехнулся Первый. – Вопросы есть?

– А знаете, – мечтательно заметил Джо, – я бы хотел посмотреть на этого рыжего медведя.

– Но ведь вы же сами признали, что шансы на его существование равны нулю.

– Шансы всегда выше нуля, – безапелляционно заявил Джо. И глаза заядлого картежника зажглись азартным огнем.

Он оказался прав.

На импровизированное следствие меня вызвали последним. Я подробно, несмотря на зевоту, все рассказал.

– Собственно, вы видели только морду, да и ту считанные секунды, – заметил Первый.

– Совершенно верно.

– Но ваш дикий крик мог вызвать неадекватную реакцию у донельзя усталых людей. Кстати, Кошка согласилась со мной и не настаивает более на своих словах.

– Это ее право, она до смерти испугалась. Но мне трудно поверить, что это была галлюцинация. Хотя бы потому, что я раньше никогда не видел рыжих медведей.

– А не видели вы их потому, что их не существует в природе. Логично, – заметил Первый без тени улыбки. – Но почему же тогда вы закричали «Медведь! Медведь!» и так напугали Кошку?

– Ничего подобного. Я кричал «*Винтовку! The rifle!*». В момент происшествия вообще никто не кричал «Медведь!». Кошка просто визжала.

Первый полистал журнал, внимательно вчитался в некоторые места.

– Вы правы, – сказал он, немного помолчав. – Ваши слова полностью подтверждаются другими свидетельствами.

Следующие дни прошли в рабочем угаре. Казалось, искры летят от дисковых пил. Первый даже боялся, что мы сожжем все горючее до прилета следующего рейса, но обошлось.

Мы с Витторио и с Кошкой споро и, главное, своевременно для других прокладывали главный туннель. Сделали первый боковой выход, что значительно сократило путь выноса льда. До конца туннеля – и до следующего бокового выхода – оставалось полтора-два дня работы.

А лед мы, можно сказать, полюбили! Оказывается, жизнь во льду может быть приятной и энергичной. И вообще настроение было приподнятое.

На седьмой день нашей эпопеи, прямо во время обеда Первый получил сообщение, что рейс уже вылетел и прибывает через час.

– Наконец-то, – заметил он. – Ну ничего, как раз поедим и добавки возьмем, работать предстоит тяжело.

– А что так? – спросил Скальп.

– А то, что после полуночи нас ожидает как минимум тяжелый снегопад, если не полноценный шторм. Так что нужно будет уложиться в десять часов.

– Уложимся, – безмятежно сказал Иоганн. – Сколько там, пятьдесят с чем-то тонн?

– Сейчас взгляну, – сказал Первый. Он снова посмотрел на маленький экран и вдруг изменился в лице. – Двести пятьдесят семь тонн.

Молчание было под стать окружающей нас ледяной пустыне.

– Они там что, совсем уже… – не договорил Бульбенко.

– Минутку, чтобы доставить такой груз им нужна хорошая армада вертолетов, – сказал я. – Откуда она у них?

– Небось, собираются воздушный поезд устроить, челночные полеты, – ухмыльнулся Жан-Жак. – Как раз до полуночи уложатся.

– Тихо, – оборвал Первый. – Всем – добавки. И чаю в термосы. На каждого приходится около тринадцати тонн, это где-то тонна с четвертью в час. Если свалят близко от входа – успеем.

– Среди нас шесть женщин, – напомнил я.

– Значит, мужчинам придется приналечь.

Мы еще в первый день водрузили на утес черный флаг, чтобы иметь издалека видимый ориентир. Теперь он должен был послужить ориентиром вертолетам. Я стоял метрах в ста от утеса, держа в руках дымовую шашку для определения ветра при посадке. Народ расселся на уступах утеса, как в кинотеатре.

Ясное небо, ни облачка, ни ветерка. И откуда взяться шторму? Впрочем, со спутника виднее.

Издали донесся гул. Он приближался, причем очень быстро. Точки над пустыней росли – и превратились в четверку великолепных транспортных самолетов!

Неужели они у нас сядут? Вообще-то равнина плоская, но на предмет взлета и посадки самолетов мы ее не проверяли.

Я повернулся к утесу. Первый что-то вовсю говорил в рацию, маша мне одновременно рукой, чтобы я вернулся. Я побежал.

Добежав, я влез на ближайший уступ к Маше и обернулся. Самолеты заложили круг и явно снижались. Разговаривать было невозможно. Но почему они не заходят на посадку по одному? Или на таком поле они решили показать класс и сесть всей четверкой сразу?

Самолеты пошли на второй круг. Четверкой. Низко. Словно они шли на парад, а мы принимали парад с трибуны. И точно на траверзе трибуны открылись задние люки, и из них посыпались контейнеры с парашютами. По тридцать из каждого.

Я такое уже видел. Классика воздушного снабжения. Контейнеры по две с чем-то тонны, с одного самолета их разносит на сотни метров, а с четверки – на пару квадратных километров.

– Да, – сказала скромница Маша, – теперь я понимаю, откуда взялся русский мат.

– Короче, – объявил Первый, – делаем так.

Он стоял перед нами, затянутый в ремни как какой-нибудь его воинственный предок на службе Британской империи.

– Девчонки – на боковой выход. Стесать ступени нагладко, получить ровный уклон. И оба туннеля, боковой и главный, сколько успеете – шлифуйте в центре ребристый пол. Начальница – Кошка, она в этих туннелях каждый дюйм знает.

Это действительно становилось похоже на военную операцию.

– Мужчины – со мной. Обрезаем у каждого контейнера парашют – именно парашют, а не стропы. Немедленно, пока не поднялся ветер. Потом все вместе беремся за стропы и волоком по одному затаскиваем в туннели, места должно хватить.

– Простите, Лоуренс, – возразил я. – Волоком по льду за стропы – это прекрасно, но зачем разрушать уже построенное? Стащим их все сюда вместе, свяжем стропами друг с другом, поставим по-быстрому загородку из ледяных кирпичей – и никакой шторм их никуда не уволочет. А из-под снега мы их потом легко откопаем.

– Даже если его нанесет в пять этажей и прихватит морозом? Да их просто раздавит.

– Но ведь…

– Послушай, – сказал Бульбенко, – не заставляй мои гены вспоминать, как обращались мои предки с твоими предками.

Во дает, хохол!

«Ну ж был денек!» И как еще Первый везде успевал, и все у нас спорилось, и мы подтаскивали контейнеры один за другим к спуску, пока девчонки стесывали ступени и ребристый пол.

А потом – спускали их по одному вниз и там еще волокли по не до конца стесанному полу возможно дальше от спуска.

Стропа. Контейнер. Лед. Волок. Стропа.

И в полночь как-то сразу все кончилось. Спустили два последних контейнера, оставили их в боковом туннеле. Девчонки нам принесли сандвичи и чай, мы уселись прямо на спуске и жрали, едва прожевывая куски.

И только сожрав четвертый сандвич и выпив третью кружку чаю, я получил возможность что-то воспринимать.

– Во всем этом, конечно, виноват я, – говорил Первый. – Я не уделил должного внимания порядку в снабжении, поэтому на базе они все перепутали. Большая часть этого груза могла спокойно прилететь через месяц-другой, за несколько плановых рейсов. А им подвернулись эти самолеты, так они решили, что мы будем только рады. Ладно, пропустим. Но вы все, конечно, молодцы. Это большая честь для меня – быть вашим начальником.

– Это небольшая честь – выезжать на хребтах подчиненных. Причем физически.

Неужели это мой голос?

Первый промолчал, потом вздохнул:

– Вы правы, – прошептал он.

Крупные снежные хлопья начали падать на нас.

– Однако снегопад, – сказал Витторио. – А мы не успели поставить крышу над этим выходом, торопились. Теперь его завалит.

Он тоже был прав.

Утром я еле выполз из спального мешка. Все что могло болеть – болело, урок собственной анатомии был весьма нагляден. Как они называются, эти мышцы над ягодицами? Не помню как, но – болят. И все остальные – тоже.

У входа в санитарный блок столкнулся с Бульбенко. Вспомнил его вчерашнюю выходку. И сильно разозлился:

– Ну-ну, – ответил я на его приветствие. – Генетическую память, значит, развиваем. Ты с ней поосторожней, а то она у вас короткая.

– Да брось ты, – смутился он.

– Не-е-ет, не брось, – все больше злился я. – За собственные слова отвечать полагается! Как и за генетическую память.

Бульбенко отошел в дальний угол, а меня уже несло:

– Сколько у вас там? Хоть восемь столетий наберется? Навряд ли. Ну, хорошо, пусть восемь. А у нас – тридцать восемь! По самому скромному подсчету – тридцать четыре! Понял?

Он, конечно, молчал. Я привел себя в порядок и вышел. Услышал за спиной его торопливые шаги, притормозил – пусть наткнется на меня.

И он-таки наткнулся, потому что я стоял как вкопанный. Перед рыжим медведем.

Этого медведя мы оба рассмотрели хорошо. Среднего размера, темно-рыжий, он стоял на четвереньках и внимательно рассматривал нас, словно задавая вопрос: какого рожна эти двуногие расшумелись в толще вечного чистейшего льда?

Справедливый вопрос.

– Слушай, пока он стоит на четвереньках – ничего. При атаке медведь встает на задние лапы.

– Не смотри ему в глаза. Хищники воспринимают взгляд в глаза как нападение.

– А вообще хуже всего, что у медведя невозможно понять его настроение. У всех хищников настроение буквально на морде написано, а у медведей – ничего.

– И при этом они прекрасно дрессируются.

– Кстати, дрессировщики утверждают, что любого хищника можно урезонить палкой по носу. Вполне достаточно.

– Но у нас нет палки.

– Правда.

– А ну, перестаньте морочить мне голову!

Первый мало походил на англичанина в этот момент:

– Значит, вы выходите из санитарного блока, а мишка вас поджидает! Потом вы оба стоите перед ним как два барана, а он, как Буриданов осел, не может решить, кого из вас кушать. И тогда он принимает Соломоново решение – разворачивается и уходит, не солоно хлебавши?

– Да.

– И куда же он ушел?

– В сторону лестницы в холл. Мы видели, как он поднимался по лестнице.

– Самое интересное, что это даже скучно.

– То есть как?

– Видите ли, я проснулся около двух часов назад. Мне не понравилась тишина. По прогнозу у нас шторм на сутки, а тут – тишина. Так вот, мои дорогие, не только боковой выход

завален, но и портик под сугробом. Снег мягкий, и мы его потом быстро разроем, но сейчас мы просто-напросто завалены.

Довольный произведённым впечатлением, Первый рассмеялся:

– Отец меня с детства приучал к охоте, но так и не приохотил. Однако в следах я разбираюсь. Пошли!

Мы вышли в главный туннель. Первый велел нам идти строго за ним.

Следы были видны четко. Первый внимательно прошел вдоль них, раз и другой, потом задумался. Потом сказал:

– Если верить этим следам, то медведь – или, в крайнем случае, очень крупная росомаха – материализовался прямо у двери санитарного блока, кстати, минут за пять до вашего выхода, словно действительно вас поджидал. Затем вы тут стояли минут десять, а он вас как бы сторожил. Потом вдруг повернулся и пошел по туннелю, как по хорошо известной ему дороге – хотя она существует всего несколько дней. Начал подниматься, но на половине лестницы исчез. Но это же бред!

Лицо Первого не предвещало ничего хорошего. Он внимательно и как-то нехорошо посмотрел на меня. А затем сказал:

– Бульбенко, будьте добры, уничтожьте следы медведя. Будем считать его визит строго конфиденциальным. А вас, Скорпион, я попрошу на пару слов.

Он увел меня в недоделанный санитарный блок и тихо сказал:

– Видите ли, есть одна существенная деталь, которая мне не нравится.

– Какая деталь?

– Вы – единственный участник обоих медвежьих ЧП.

– На что вы намекаете?

– Я не намекаю, я констатирую факт. Кстати, вы единственный, кто рассказывал про какое-то рычание в первую же ночь…

– Я думал, это собаки!

– Я помню ваши слова. Но, так или иначе, нужно быть не железным, а алмазным человеком, чтобы при такой физической нагрузке еще устраивать розыгрыши. Да и интуиция моя и знание людей в один голос говорят, что вы ни при чем.

– Тогда в чем дело?

– Вы ни при чем – и вы при чем. Та же интуиция мне говорит, что медведи искали именно вас.

– Чушь!

– Согласен. Но тем не менее…

– Короче! Что вы от меня хотите?

– Есть такое выражение – «ходить опасно», опасаться неизвестно чего. Так вот, я бы попросил вас «ходить опасно», не делать резких движений, не говорить резких слов и так далее.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно. Вы слишком часто являетесь источником какого-то непонятного напряжения. Почти материального.

– А если медведь опять явится?

– Ну что ж, – вздохнул Первый, – я сам хорошо стреляю из магазинной винтовки. Пойду приготовлю одну.

И то хлеб.

Спешка прекратилась. Бригада Лю всерьез взялась за энергоблок и водное хозяйство. Мы с Витторио и Кошкой в три дня дорубили все туннели и выходы, поставили, где надо, крыши, и были переброшены на помощь Ганне. Это совпало с великим праздником – подключением первого санитарного блока к горячей воде! И пластика теперь было достаточно на всех стенах.

Льда на вынос стало меньше, и свободные руки стали вскрывать контейнеры и разносить их содержимое по складам. Там, среди прочего, оказалось немало лабораторного оборудования.

– Не вынимать из контейнеров, – решил Первый. – Приедут хозяева, сами построят себе лаборатории по собственному вкусу, и сами их оборудуют.

Мы были полностью согласны.

В последний момент ихний рейс задержался на день из-за нелетной погоды на базе. А у нас, наоборот, сияло восходящее солнце, температура подскочила до минус пятидесяти пяти. Первый объявил выходной день – ох, наконец-то отоспались! – а перед ужином предложил прогуляться.

Лед сверкал. Куда там алмазам! Не зря говорят: «камень чистой воды»? А лед, он ведь тоже камень. Чистейшей воды!

С древних времен известно, что вода очищает душу. Обратите внимание, как вы чувствуете себя после простого купания в море или даже в бассейне. Не физически – душевно.

А тут мы прожили две недели во льду. Правда, мы работали как каторжные.

– Между прочим, – заметил Йог, – если бы мы не жили во льду, то есть фактически в воде, то мы вряд ли бы выдержали такой темп.

– Наверняка, – ответил я. – Вода – наркотик жизни.

– То-то вы отобрали у палестинцев почти все морское побережье, – неожиданно брякнул Хусейн.

– С каких это пор вы стали защитником палестинцев? – удивился я. – Ведь, насколько я знаю, вы, марокканцы, любите их не больше нашего.

– Кого мы любим, а кого не любим – это наше дело. А палестинцы нам – братья. Какие уж есть, – вздохнул Хусейн.

– Нет, но вы-то не невежда-европеец, вы-то знаете, с кем нам приходится иметь дело!

– Это не значит, что вы имеете право их унижать и грабить! Да что говорить! Южноливанцы были сволочи, но они были вашими союзниками, а вы их выкинули на помойку!

Не в бровь, а в глаз! И нечем крыть. Но позицию сдавать нельзя:

– Они были сволочи, мы их едва терпели и, в конце концов, избавились от них. И всем стало лучше! Палестинцы – такие же сволочи, даже хуже. Избавьтесь от них, и всем станет лучше, даже в Марокко.

– Очень может быть. Но мы – не вы, своих не сдаем.

Остальные уже встали вокруг нас, наблюдая за нашей перепалкой. Хусейн стоял, высоко подняв голову, я таким его никогда не видел. Гнев уже застилал мне глаза красным, как у питбуля перед схваткой. Да это и выглядело как ристалище!

И вдруг раздался рык!

Позади круга стоял рыжий медведь. Еще один выходил из-за утеса.

Все как-то молча начали куда-то отступать. А я – шагнул вперед. Почему-то я понял: этот медведь – мой.

Он не встал для атаки, но грозно зарычал и сделал шаг вперед. А потом изловчился и вцепился мне в правое предплечье, как это делают собаки. Я же инстинктивно, как с собакой, двинул руку возможно глубже в пасть. Многослойная ткань неплохо защищала от зубов.

Медведь трепал мою руку, как собака кость. Ткань трещала. Откуда-то с рычанием подходил другой, я услышал, как Хусейн призывал Аллаха. Наконец, я поскользнулся, упал…

…и все стало красным.

Как советский флаг.

Как мой гнев.

Мой гнев рос.
И рыжий медведь рос.
Да не рыжий – красный. Как кровь, которую он пил.
Кровь моего гнева.
Кровь моего гнева, заливающего мою душу.
Кровь гнева моей правоты.

А подо мной – лед.
Белый камень.
Чистейшей воды.
Кровь гнева моей правоты льется на белый лед.
Но белый лед остается белым.
И холодным.
Чистейшей воды.
Чистейшей воды, заливающей мою душу.
Чистейшей воды, которой не нужна ничья правота.

Щелк.
Как в фотоаппарате – щелк.
Смена кадра…

А откуда – зеленое?
Зеленое…

* * *

Да ведь это же доктор Фуад! Весь в зеленом, как в клинике.

А лежу я в недавно оборудованном собственноручно медпункте. И обогрев включен.

Правая рука наглухо перевязана.

– Здравствуйте, Фуад. Что вы здесь делаете? Вы же должны были остаться на базе!

– Рад слышать ваш бодрый голос, коллега, – повернулся ко мне Фуад. – Я прилетел вместе со всеми. Из-за вас.

– А что случилось?

– Вы умудрились: свалиться с утеса на самые острые уступы, разодрать в клочья многослойную французскую куртку, очень серьезно поранить правое предплечье, – к счастью, без перелома, – потерять много крови и двое суток проваляться в бреду без сознания.

– А… рыжие медведи?

– Как же я мог забыть? – хлопнул себя по лбу Фуад. – Сейчас, сейчас…

Он полез распаковывать какой-то чемодан, одновременно тараторя без умолку:

– Ваша *maman* потратила кучу денег, обзвонила всю базу, пока не вышла на меня. Ну, а я, *noblesse oblige*, не мог отказаться. Посылка пришла перед самым вылетом. Вот она.

И он передал мне большой пакет. Я догадывался о его содержимом.

– Между прочим, – продолжал тараторить Фуад, – некий спонсор прислал сюда большущий телевизор со спутниковой антенной, ребята уже настроили. Но мало этого, он внес абонентную плату на три года вперед за шестьсот каналов.

– Ничего себе! – ответил я, пытаясь вскрыть пакет одной рукой.

– Сейчас, сейчас, – Фуад вскрыл пакет, и оттуда вывалились два моих детских плюшевых медвежонка, порыжевших от времени. – Я вот думаю, что этак никакой же жизни не хватит, чтобы насладиться всем этим богатством. Вместе с таким прибором должны продавать

и набор дополнительных жизней! – Фуад захохотал во все горло. – Представляете, вы приходите с работы, валитесь с ног от усталости, щелк – и вы скучающий плейбой с рюмкой хорошего коньяка перед шестисотканальным телевизором. А!

Язык без костей.

– Вообще-то, иногда мне кажется, что у нас и так есть такой набор. Время от времени что-то щелкает, кадр резко меняется, *déjà vu,* так сказать. Впрочем, что же это я, совсем заболтался. А ну-ка, глянем на вашу десницу.

Он ловко прошелся ножницами вдоль руки, чуть смочил бинты раствором и снял их. Было на что посмотреть!

– Все, конечно, заживет, но эти два шрама останутся, разве что воспользуетесь услугами пластической хирургии. А лучше оставьте. Какая женщина не захочет услышать рассказ о схватке с медведем, поглаживая такое доказательство! – и Фуад снова захохотал.

Черт знает что! И напиться нечем!

– Кстати, я припоминаю интересный случай, описанный в медицинской литературе, – продолжал Фуад. – Лет сто назад, когда в Центральной Европе еще попадались медведи, в Австрийских Альпах подвизался один охотник. Как-то раз ему подвернулись два медвежонка с каким-то очень редким оттенком шерсти. Позабыв всякую осторожность, он пристрелил обоих – и, разумеется, тут же познакомился с медведицей. Отделала она его на славу, ему чудом удалось свалиться в какую-то речку – в воде она его отпустила. Ему удалось добраться до жилья, но он скоро скончался от потери крови…

И почему я не пошел в ветеринары? С детства мечтал, да мама отговорила.

Тель-Авив, 23 Швата 5763 г.[1]

[1] 26.1.2003

Волки[2]

Моей дочери Наоми

Homo homini lupus est[3].
Римская пословица

Выстрел.

Серая тень шлепнулась на лед.

– Зря, дочка, – сказал отец.

– Почему зря?

– Они нас охраняют.

– В каком смысле?

– В прямом. Пока они крутятся вокруг нас к нам не подберутся другие… волки.

Девочка почесала подбородок типично мужским движением унаследованным от отца.

– Ты бы их еще подкармливал.

– А я и подкармливаю. Всякий раз, когда идем на рыбалку, я потрошу рыбу на месте и вываливаю им потроха и головы. Они это уже знают и терпеливо ждут.

– Приручаешь?

– Нет. Именно подкармливаю. Чтобы знали: здесь можно перекусить, но не насытиться. Тогда они останутся охотиться в наших краях, а другие не сунутся. Заметь, я каждое утро выгоняю мужчин на рыбалку, хотя особой надобности нет. День – на западной стороне, день – на восточной. Здесь две разные стаи, наш остров разделяет их.

– Так они что, на вас не нападают?

– Когда рыбачим – нет.

Тем временем, увидев, что стрельбы больше нет, другие волки уселись пировать трупом поверженного товарища.

– Терпеть их не могу.

– Не смотри.

– Папа, а давай, пойдем на охоту.

– Нет.

Это было сказано совершенно категорическим тоном.

– Ну, пап, у меня скоро день рождения!

– Через восемь дней. Но и тогда не разрешу.

– Пап, я видела на правом берегу оленей.

– Я тоже видел. Далеко.

– Не больше трех километров. За ними погнались волки, но не догнали.

– Ну вот, хочешь сражаться из-за добычи с волками? Всех не перестреляешь.

Когда три года назад Дэн Юстис неожиданно объявил, что продает свой бизнес и покупает ферму, удивлению не было границ.

– Ты не фермер, – категорически заявила его жена. – Ты лейтенант морской пехоты, капитан дальнего плавания, магистр геологии, преуспевающий бизнесмен – но не фермер. Я тебе, как психиатр, заявляю.

– А что, фермеры, по-твоему, все психи?

---

[2] Навеяно рассказом С. Лукьяненко «Поезд в Теплый Край».

[3] Человек человеку – волк *(лат.)*

– Наоборот. Полуживотные. У них вообще, по-моему, психики нет.

Но настоящий скандал разразился, когда поехали смотреть купленный Дэном участок.

Это был лесистый остров на большой реке около двух километров в длину и метров шестьсот в ширину. С обеих сторон он омывался широкими рукавами. В северной части бил горячий гейзер – редкость в этих местах. Но главное – он находился посреди заповедника.

Они объехали остров на катере, потом высадились на берег и устроили пикник. Жена молчала, дядя Тедди чему-то улыбался. Дети же – одиннадцатилетняя Нелли, восьмилетний Рем и пятилетний Окк – веселились от души.

Неожиданно жена вскочила:

– Что это там за собаки? На том берегу?

– На том берегу? – Дэн посмотрел в бинокль. – Это не собаки, это волчица с волчатами. Этот лес так и называется – Волчий.

– Ну, с меня хватит, – заявила жена. – Да, тебя никто не признает сумасшедшим. С точки зрения современной психиатрии ты здоров как бык, уж я-то знаю. Но этому есть только одно объяснение.

– Какое же?

– Что как наука современная психиатрия еще в пеленках! – жена перешла на крик. – Где это видано? Ну ладно, я понимаю, неожиданно надоело дело, которому отдал треть жизни, и продается хорошо налаженный доходный бизнес. Я еще могу понять, что тебе захотелось резко сменить обстановку и заняться физическим трудом на свежем воздухе в непосредственном контакте с комарами и навозом. Но в качестве фермы купить кусок леса, который еще корчевать надо, у черта на куличках, посреди заповедника… Кстати, как тебе разрешили? На сколько ты их подмазал?

– Ты же знаешь, я никогда не обсуждал с тобой детали бизнеса.

– Но теперь тебе кое-что придется со мной обсудить.

– Что же именно?

– Тедди, – крикнула жена, – мы тут немного отойдем, последи за детьми, пожалуйста.

Они прошли по берегу, нашли поваленное дерево и уселись.

– Я хочу развод, – заявила жена. – Я хочу развод и половину имущества. Я не хочу, чтобы моих детей воспитывал сумасшедший.

Дэн сорвал травинку, закусил зубами и ничего не сказал.

– Я пойду тебе навстречу. Мне не нужна половина этой, с позволения сказать, «фермы». Я согласна на сорок процентов имущества в денежном эквиваленте. И я отказываюсь от алиментов.

– Дети останутся со мной.

– Что?!!

– Не ори. Ты знаешь меня и моих адвокатов.

– И ты… и ты натравишь этих бешеных собак на меня?

– При таком раскладе? Разумеется.

– Сволочь!

– Спасибо на добром слове. Короче: я продал бизнес немного в убыток, но сумма приличная. Я перечислю тебе одну шестую суммы.

– Почему только одну шестую?

– Потому что в моей семье шесть членов.

– Кого это еще ты имеешь в виду?

– Моего брата Тедди.

– Ну уж он-то точно псих. Как и ты.

– Пока что психуешь только ты. Ну ладно, проехали. На днях ты получишь деньги и можешь уезжать куда хочешь.

– А что ты скажешь детям?

– Ты им все объяснишь.

– Я?!!

– Ты. Ты им скажешь, что… что возвращаешься на юг в свой родной университет, чтобы продолжать научные изыскания прерванные нашей женитьбой. Что тебя срочно приглашают на очень важные исследования общенационального значения.

– Самое интересное, что это хорошая идея – снова вернуться в университет.

– А что касается самой процедуры… Я бы не советовал тебе торопиться. Выпусти пар и приведи себя в порядок.

– Но ноги моей на этом острове больше не будет.

– Зато детям я здесь устрою рай земной. Это я тебе обещаю.

Они помолчали.

– Я не верю, – продолжила жена. – Я просто не верю.

– Чему?

– За кем я была замужем почти пятнадцать лет?

События завертелись быстро, Дэн лично руководил работами. И хорошо, что жена не увидела его дальнейшего чудачества: четырехметровой бетонной набережной вдоль всего периметра острова. И трехэтажного дома с двухэтажным подвалом, похожего на замок, построенного буквально вокруг гейзера.

Но детям дом понравился, хотя большая часть многочисленных комнат осталась запертой. А так им жилось как никому: в школу ездить на быстроходном катере (зимой на легком вездеходе), купаться сколько влезет – и зимой, в гейзере, – учиться стрелять, плавать, возиться с собаками и лошадьми, утками и гусями, рыбачить, зимой бегать на лыжах, а на каникулы летать к маме на юг.

Все шло хорошо. Пока не пришла Большая Зима.

Утром в свой день рождения Нелли встала очень рано. Умывшись и сделав зарядку, она оделась и побежала наверх, в смотровую башенку – ей нравились утренние сумерки.

В башенке уже сидел отец. Закутавшись в свою любимую доху, он оглядывал окрестности в ночной бинокль.

– С добрым утром, папа.

– С добрым утром, дорогая именинница, – отец повернулся к ней, ухватил за уши шапки, притянул к себе и крепко поцеловал. – Поздравляю.

– Спасибо. Ну, и что нового в белом безмолвии?

– Не так уж оно безмолвно. Снова с севера пришли большие стада оленей, волки жиреют, лисам, рысям и куницам тоже перепадает, птицы летают… Меня больше волнует следующее лето – как природа приспособится. Боюсь, многие виды погибнут, им не хватит короткого лета для размножения.

– Пап, а… а наша планетарная ось когда-нибудь встанет на место?

– На прежнее место? Уже никогда. Вообще такие катаклизмы – огромная редкость.

– А что дядя Тедди говорит?

– Что ось стабилизировалась, насколько он может судить.

– А климат?

– И климат, соответственно. Теперь у нас на экваторе будет климат средних широт, а здесь – почти полярный. Нам еще повезло: зима хоть и длинная, но умеренная…

– Пап, смотри!

По льду в их сторону шел человек.

Это был крупный мужчина с большим рюкзаком за плечами. Он широко шагал, слегка проваливаясь в снег.

Два волка метнулись за ним из-за деревьев. Человек обернулся. Волки бросились. Человек сделал несколько резких движений. Волки остались лежать на снегу.

Человек снова повернулся в их сторону. В руке у него был здоровенный окровавленный тесак. Он нагнулся, вытер тесак о снег и пошел вперед с тесаком в руках.

Было тихо. Было по-зимнему очень тихо. И человек шел тихо, даже снег не скрипел. И уже вблизи от острова из-под набережной бесшумно рванулись еще три волка.

Один остался лежать на снегу, два других ретировались. Человек опять вытер тесак, огляделся и убрал тесак в ножны. Затем внимательно посмотрел на остров.

Он простоял так несколько минут, словно делал рекогносцировку. Потом снял рюкзак, положил его на снег, открыл боковые клапана, достал нейлоновый трос с «кошкой», свернул для броска, второй конец привязал к рюкзаку. Достал кусачки, пристегнул к поясу. Вынул из кобуры пистолет, проверил магазин, плавно, без лязга дослал патрон, затем начал навинчивать глушитель…

Выстрел оглушил Нелли. Человек рухнул на лед. Волки бросились к нему.

– Не смотри, дочка.

Она уткнулась в доху. И вдруг тишину прорезал детский плач, потом короткий визг.

Она вывернулась из-под отцовской руки, бросилась к окну. Внизу волки рвали что-то в рюкзаке.

– Папа!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Папа!

Отец повернул к ней каменное лицо:

– У меня не было выбора.

Огромные глаза Нелли были полны ужаса.

– У меня не было выбора, дочь. Ты… ты просто не знаешь, что делается. Выпей воды.

Она оттолкнула его руку, сама налила себе воды, выпила, расплескав полстакана, налила еще.

– Я даже не знаю, как это началось. Помню, мама как раз была беременна Окком, к нам зашел Тедди сам не свой. Вот тогда-то я впервые и услышал о предстоящем повороте оси. Тедди, при всей его безалаберности, прекрасный ученый. Он может часами фантазировать на научные темы, но с конкретными формулами и числами работает очень четко.

Так вот, мама налила чай и оставила нас одних, полагая, что Тедди опять начнет разглагольствовать. К тому же, выборы были на носу, а Тедди и политика… Но Тедди начал с того, что в их обсерватории всех планетологов вдруг взяли в какой-то сверхсекретный проект. Всех, кроме него. Он, конечно, обиделся, пошел к директору – директор только развел руками, произнося слово «контрразведка». Вот Тедди и спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы помочь.

Я его успокоил. Почему его не взяли – ясно: такому трепачу только секреты доверять. Но нюх меня не подвел – что может быть секретного в планетологии? Я и спросил Тедди, а чем они занимались в последнее время. Тут Тедди и выдал про поворот оси. Я ему – стопку бумаги и карандаш. Он исписал десять страниц и вывел убийственный результат: изменение наклона на двадцать один градус за какие-то четыре месяца. И срок назначил: через неполные восемь лет.

Хоть я и знал, что на Теддины расчеты можно положиться как на присягу коммандос, но тут уж я сам полез в справочники и тряхнул стариной в математике. Все сходилось. Это можно было предсказать и пятьдесят, и сто лет тому назад – просто никто не удосужился сделать эти выкладки.

Тедди думал, что их взяли в проект по остановке поворота. Он даже прикинул необходимое усилие и спросил меня, реально ли это. Я перевел килоньютоны в килотонны и получил общепланетную радиоактивную пустыню.

Тут Тедди ляпнул про возможные изменения климата. Я опять кинулся к справочникам. Получилось, что и мы, и большинство развитых стран окажемся практически в полярном климате, что снег будет выпадать даже у экватора и так далее.

Потом Тедди вспомнил, что они уже посылали меморандум министру, где изложили возможные последствия. Ну, результат – все засекретили.

Тогда я позвал маму, рассказал ей и спросил о возможной реакции *homo politicus* на такую информацию. Она заявила, что нормальный политик этому просто не поверит – как и она не поверила – и решит, что его разводят на очередное увеличение бюджета. «И вообще, – продолжила мама, – выборы на носу, и это для политика важнее всего.»

Видимо, она была права. А засекретил их какой-нибудь ретивый помощник министра – так, на всякий случай. А контрразведка отсеяла Тедди как ненадежного – на наше счастье.

Тут мне и пришло в голову проэкстраполировать события. Получилось, что если срочно не начать принимать меры, готовить инфраструктуру, делать запасы, то все может кончиться очень плохо. Я попросил маму представить возможные модели социального поведения в неподготовленной стране. Она, посмеиваясь, предложила несколько вариантов. Но во всех – полный развал государства и общества. «К счастью, – усмехнулась она, – есть полным-полно странных изданий, которые постоянно печатают подобные страшилки, а планета все-таки вертится.»

Мы с Тедди крепко выпили, потом Тедди ушел. Скоро родился Окк, и, принимая поздравления, меня точила мысль: что будет?

Я снова все перепроверил. И сделал простой ход: написал научно-популярную статью и послал ее – анонимно – в разные места. У нас и за границей. Никто не напечатал. Тогда я послал в те издания, которые мама назвала странными. Три из них напечатали. У одного тут же была отобрана лицензия за всевозможные нарушения, – которых и раньше было навалом, – другое вдруг обанкротилось, а третье просто исчезло. Вместе с офисом редакции – я специально ходил смотреть.

Понимаешь, они печатали любой бред. Те, что исчезли, регулярно публиковали протоколы заседаний Мудрецов Большой Зги из третьей параллельной вселенной. А как напечатали про ось…

Короче, мне все стало ясно. Политики и бюрократы будут молчать, пока планета не затрещит – потому что им нечего предложить. И всем, кому надо, рот заткнут, контрразведка у нас хорошая. А о самих себе они не беспокоятся – к их услугам общенациональные ресурсы. А народ… А что народ? Без вождя народ – толпа. А я не вождь.

И за границей было то же самое.

Вот и оставалось думать только о себе и о своих близких. И тут мы с Тедди наткнулись на этот остров. И сразу поняли: то, что надо. Сама посуди: довольно большой сам по себе, посередине огромной, но малосудоходной, реки, вокруг дикий лес – до ближайшего жилья пятьдесят километров, – в лесу полно зверей, в реке полно рыбы. И горячий гейзер! Единственная проблема – заповедник. Национальное достояние, приватизации не подлежит.

Я думал – не страшно, подмажем кого надо. Но оказалось, что люди из Общества охраны природы – честные идеалисты. Лесники здесь были – сама помнишь, золотые люди. Так что пришлось провести многоходовую комбинацию. В конце концов, прежний председатель неожиданно стал деканом своего факультета и оставил пост из-за огромной занятости. Новым стал министерский выдвиженец, с ним мы поладили. На все это ушли годы.

А дальше – дело ума, денег и техники. Высокая отвесная набережная – залезет только альпинист, да по верху – три ряда спиралей колючей проволоки, снизу их не видно, а сейчас и снегом припорошены. Собаки патрулируют весь остров по участкам, обучены. Энергии

от гейзера хватает с избытком. Утепленный пруд для гусей и уток. Парники с картофелем, с луком, с чесноком, с другими овощами, с бобовыми. Специально с севера привез и посадил карликовые полярные яблони, целый сад. Да и запасы огромные. Хлеб, правда, расти не будет.

Если бы я сказал маме, зачем я это делаю – не миновать мне смирительной рубашки. В итоге она уехала, а мы с тобой и твоими братиками прожили здесь два веселых года. И началось!

Собственно, от нашей страны осталась только одна небольшая долина – Теплый Край. И хотя на прочей территории сохранились армейские базы со стратегическими запасами и – пока что – дисциплинированными солдатами, государства больше нет. Сбылись худшие прогнозы. Но даже в самых страшных снах я не мог себе представить… не мог себе представить… каннибализм.

Помнишь, в августе, когда пошел снег, я вдруг перестал ездить по округе? Просто… я увидел, как на рынке торгуют оружием и… мясом. Очень дешевым мясом домашнего копчения.

С севера валили беженцы, далеко не мирные. Фермеры с оружием в руках защищали свои владения, горожане защищали свои запасы. Все были озлоблены на правительство, и поделом. Местные власти тоже бежали. И все знали, что зима предстоит длинная, а урожай погибает, и нужно запастись продовольствием.

Помнишь, в начале сентября к нам прилетел вертолет? Это были мои друзья: полковник Гец, подполковник Робс и полковник Плауб. Гец и Робс были у меня во взводе сержантами, а Плауб вместе с ними влип в историю. Опустим детали, но от трибунала отмазал их я. А такое в морской пехоте не забывают.

Так вот, они предложили мне всех нас увезти с собой на одну из их баз. Там все было в порядке, и их семьи тоже были там. Но я не согласился. Мало ли, и в армии может начаться разложение, бунты… Худшее, что может быть – взбунтовавшаяся армия. А здесь мы – как робинзоны, да еще под защитой волков.

Тогда мы договорились о другом. Они мне потом привезли много разного армейского имущества, да и оружия подбросили. Но главное – я получил армейские рации и два передатчика дальнего действия. И шифры.

Ты думаешь, чего я тут наверху часами сижу? На лес, что ли, не могу налюбоваться? У меня в соседней комнате целый радиоузел. Сам я почти не выхожу в эфир, не хочу светиться. Но постоянно прослушиваю армейские переговоры. А они неутешительны.

Вы там слушаете бодрящиеся передачи из Теплого Края и из-за границы. Они не столько врут, сколько замалчивают. Да, есть шанс реорганизовать хозяйство, наладить жизнь. Но для этого придется пожертвовать минимум половиной населения. И к концу зимы это будет выполнено. Кто замерзнет, кого… Впрочем, замерзших тоже…

Отец замолк, повернулся к окну. Нелли тоже молчала.

Стая волков, покончив с людьми, пожирала трупы своих. Нелли отвернулась:

– Волки едят волков. Люди едят людей. «С волками жить – по-волчьи выть» – так говорили древние. Вот мы и завыли.

Вечером праздновали день рождения Нелли.

Все собрались за общим столом – десять мужчин, двенадцать женщин, восемнадцать детей – почти весь клан Юстисов, включая жену Дэна. Робинзоны необитаемого леса.

Именинница приятно улыбалась, но была не очень-то весела. По радио удалось поймать неплохой симфонический концерт. На стол были выставлены марочные напитки, домашние настойки, фаршированные гуси, рыба и даже пироги.

Это был пир. Они пировали по праву: они выжили и могли уверенно смотреть в будущее. Да, идея принадлежала только двоим, но остальные успели своевременно присоединиться и внести свою лепту. Пришлось даже построить дополнительные склады.

Они не просто выживали – они жили. Детей учили по школьным программам, занимались спортом, работали, следили за собой, читали книги из трех огромных привезенных с собой частных библиотек. По вечерам собирались вместе, музицировали, читали стихи, пели.

Они знали: хаос не вечен. Свято место пусто не бывает, и на смену одним государственным структурам придут другие. Может, военная диктатура, а может и иностранная оккупация. Но со временем все образуется, и можно будет вернуться в общество. А для этого надо жить. И они – жили.

А то, что происходило вокруг, их не касалось.

Поздно вечером Нелли снова поднялась наверх. Отец сидел в радиоузле, слушал переговоры, хмурился, иногда что-то помечал в блокноте.

– Папа, как дела?

– Плохо. Контрразведка предполагает, что к лету начнется гражданская война.

– Почему?

– Армия затягивает пояса. Принято секретное решение: весной неожиданно демобилизовать большинство солдат срочной службы – они теперь ненужный балласт. Деваться им некуда, ситуацию они знают – это будет взрывоопасный человеческий материал. А большинство населения почему-то уверено, что правительство сидит в Теплом Крае.

– А на самом деле?

– Правительства больше нет. Кто-то отсиживается на военных базах, кто-то удрал за границу, кто-то просто исчез. В Теплом Крае находятся председатель Верховного суда, министр туризма и полторы дюжины членов парламента.

– И что же будет?

– Понимаешь, везде дрались как бы сами за себя. Фермы и мелкие поселки оборонялись, военные базы оборонялись, в городах оборонялись отдельные укрепленные дома. Это была точечная оборона, и только оборона, вполне понятная, и никто на это зла не держит. А вот Теплый Край…

– Что они сделали?

– Теплый Край – небольшая долина в кольце высоких гор. И это единственное место, где была настоящая бойня. Губернатор своевременно стянул силы полевой жандармерии – даже из других округов – и блокировал все дороги и перевалы. И приказал расстреливать всех. Беженцы доходили из последних сил – и погибали на пороге Теплого Края. Тотальная война против всех.

– Но по радио Теплого Края говорилось, что дошедшим оказывали помощь, правда, не разрешали оставаться…

– Врут. Я хорошо информирован. Но самое интересное: при полном отсутствии средств связи слух о бойне – правдивый слух – дошел практически до всей страны. А вместе с ним дошел другой слух – ложный – о том, что правительство отсиживается в Теплом Крае.

– А откуда тебе известно об этих слухах?

– Данные контрразведки.

– Но люди и так злы на правительство…

– Вот именно. И контрразведка считает, что к лету народ пойдет громить Теплый Край. Во главе со вчерашними солдатами. А Теплый Край себя в обиду не даст. А армия будет блюсти собственные интересы. В общем, сидеть нам здесь и следующую зиму.

– А мы можем здесь сидеть две таких зимы?

– Хоть десять. Мы с Тедди все учли. Летом еще постараемся поймать и приручить оленей, разведем свое стадо. Живы будем, не помрем!

– А скажи, твои друзья-офицеры могли бы еще прилететь?

– Нет. Генштаб запретил все полеты и поездки – экономия горючего. Даже на разведку не летают – довольствуются снимками со спутников. У нас, кстати, горючего тоже не густо.

– А что за границей?

– У наших соседей плюс-минус то же самое. А в тропических странах большая неразбериха, но, в основном, без крови.

– А что они делают с беженцами?

– А им плевать. В тамошних правительствах вор на воре сидит и вором погоняет. Подумаешь, понаехало куча народу, с визами и без. Кормить их никто не будет, лишь бы взятки платили, да обеспечили повод нахапать из международных благотворительных бюджетов. А простому народу даже хорошо: приехали люди привычные к новому климату, и местным легче.

– Вот туда бы попасть!

– Я в свое время думал об этом, проверял. Но оказалось, что создать там базу для семьи влетит в копеечку – в основном, из-за взяток. А я был всего лишь бизнесменом средней руки, не миллионером.

– Но там, ты говоришь, без крови.

– Там народ другой. Пофигисты, по большому счету.

– Тогда я уйду туда.

– Не понял.

– Я уйду туда. На лыжах, раз никто не летает и не ездит. Сейчас везде снег, и в тропиках тоже, так что я могу пройти на лыжах всю дорогу…

Утром, обходя дом, Дэн обнаружил Нелли в подвале: она пыталась взломать замок оружейного склада.

– Нелли, мы же вчера говорили!

– Ты говорил, я слушала. А ты меня не слушал.

– Нелли, это самоубийство!

– Ты предпочитаешь, чтоб я повесилась прямо здесь?

– Ты мать убьешь!

– Судя по тому, как она от нас тогда уехала – не думаю.

– Нелли, ну почему? ПОЧЕМУ?!!

Нелли вздохнула, посмотрела отцу прямо в глаза и отчеканила:

– Потому что. Я. Не могу. Жить. С волками!

– Индивидуальные пакеты. Две пачки по пять штук.

– Если меня легко ранят, то я обойдусь одним, максимум двумя. А если ранят тяжело…

– Эти пакеты тебе вместо тампонов. Меньше весят, и места меньше занимают, а впитывают гораздо больше.

– Ясно.

– Одна большая упаковка бинтов. Будешь резать на прокладки. Хватит?

– Хватит.

– Пакет туалетной бумаги. Весит всего ничего, приторочим к ранцу. Тюбик мыльного концентрата. Белье подберешь себе сама, а поверх – солдатские кальсоны. И еще одну смену с собой.

– Прямо скажем – верх элегантности.

– И верх эффективности. Носки солдатские шерстяные. Бери три пары. И учти – стирать тебе будет негде. Считай – одна пара на месяц.

– Зимой потеем меньше.

– Верно. Но каждое утро будешь голышом обтираться снегом. Лучший утренний туалет, и для души, и для тела.

– Ты мне еще купаться в проруби предложи.

– Этого, как раз, не рекомендую. Теперь – тальк. Каждое утро не ленись, вотри немного в ступни и в промежность. Помогает от мозолей. А вот – спортивная бесцветная губная помада.

– Зачем?

– Чтоб губы не трескались. Комбинезон десантный, самый маленький размер.

– Как раз.

– К нему – теплые подкладки. Хочешь – пристегивай, хочешь – нет, почти на любую погоду. В комбинезон зашьем алмазы.

– Да ну?

– Они легче золота, а стоят дороже. Бумажные деньги тоже зашьем, разных валют. Шапка лыжная, с маской. Ушанка.

– Зачем мне еще ушанка?

– Спать будешь в ней. Лыжная для спанья слишком холодная.

– Есть.

– Перчатки прорезиненные утепленные. Темные очки.

– Я их в тропиках куплю.

– В нынешних тропиках они тебе уже не понадобятся. А вот солнце в комбинации со снегом…

– Солнце едва виднеется.

– Чем южнее, тем оно будет выше, да и дни удлиняются. Ботинки десантные утепленные, нашелся твой размер. На лыжи тоже годятся. Очень легкие. Примерь.

– Ничего себе – легкие!

– Из солдатских – самые легкие. И придется тебе взять с собой запасную пару. Иначе…

– Понятно.

– Щетка и мазь. Чистить ботинки каждый день, а то начнут промокать.

– Есть.

– Плащ-палатка белая. Не манкируй, чтоб всегда была на тебе. Она легкая.

– Вижу. А зачем?

– На некотором расстоянии даже хорошему снайперу собьет прицел. Так, с одеждой покончено. Ремень пехотный с портупеями и подсумками, пехотный ранец.

– Почему такой маленький ранец?

– Потому что много тебе не унести. Ты хоть и рослая, но всего лишь четырнадцатилетняя девочка. И все надо будет научиться укладывать самым удобным образом, чтобы нигде ничего не давило.

– Понятно.

– Фляги-термосы, две штуки. По утрам будешь варить сосновый чай, заливать туда на весь день. Без сахара, обойдешься. Аптечка. Минимальная, потом покажу, что в ней есть.

– Я не собираюсь болеть.

– Молодец. Зажигалка бензиновая полевая. Функционирует даже под дождем. Баллончик с бензином, запасные кремни. Должно хватить надолго. А если повезет – наберешь еще из бензобака брошенной машины.

– Покажешь мне, как заряжать бензин и менять кремни.

– Само собой. Плитка маленькая складная и таблетки сухого спирта.

– Я же буду разводить костер.

– Мало ли, на всякий случай. Котелок на все случаи жизни: для чая, для мяса, для каши…

– Откуда я кашу возьму?

– Вокруг ферм – неубранные поля. Под снегом недозрелая пшеница, кукуруза, овес. Чего-нибудь сообразишь.

– Хорошо.

– Чистить котелок будешь снегом и песком, если найдешь, и чуть-чуть мыльного концентрата. Поливитаминные таблетки. Рекомендуют одну в день, но от цинги хватит и полтаблетки в день. Но не манкировать!

– Ежу ясно.

– Таблетки глюкозы. Это – на крайний случай, если нужно пришпорить организм. Просто так не бери.

– Я не наркоманка.

– А это не наркотик. Ложка. Стальная, негнущаяся.

– А кружка?

– Будешь хлестать прямо из котелка. Лишний вес.

– Ладно.

– Высококалорийный пищевой концентрат. НЗ на случай, если пару дней ничего не подстрелишь. Тридцать кубиков, кубик в день.

– Как на вкус?

– Дерьмо. Но высококалорийное.

– Будем терпеть.

– Топор. Лопатка пехотная, надо будет хорошо наточить.

– Это которыми студентов обучали демократии?

– Просвещенная ты моя. Одеяло полевое непромокаемое.

– Лучше спальный мешок.

– Ошибаешься. Одеяло вот так скатывают и надевают через плечо. Оно почти ничего не весит.

– Здорово.

– Фонарик авиационный.

– Да с ним только под нос смотреть.

– Вот именно. Его берут в зубы, чтобы разобраться в ранце или в подсумке. Вот так.

– Смешно!

– Зато удобно – обе руки свободны. Батарейки универсальные десантные: годятся и к фонарику, и к рации, и к ночному прицелу. Самые емкие, что есть. Но учти, много ты не унесешь, расходуй крайне экономно.

– Хорошо.

– Рация. Совершенство инженерной мысли: самая маленькая, самая экономная, и ориентировку по спутнику дает. Но минусы: связь только через спутник, направленная антенна, и только морзянкой.

– Я не знаю морзянки.

– Придется выучить. Компас командирский полевой.

– Я не знала, что я командир.

– Конечно, командир. Самим собой ох как не просто командовать. Минимальный набор карт: я их выдрал из атласов и заклеил в полиэтилен.

– Хорошо.

– Транспортир. Масштабная линейка. Лыжи особые со стальным сердечником и спецпокрытием.

– Тяжеловаты.

– Зато их почти невозможно сломать, и смазки не требуют. Лыжные палки бамбуковые.

– Класс.

– Удочка зимняя, лески, крючки, грузила.

– А лом для проруби я тоже потащу?

– Незачем, есть полыньи. Нож десантный обоюдоострый, на рукоятке кастет, в рукоятке перочинный ножик, отвертка, шило, консервный нож.

– На все случаи жизни.

– Карабин под промежуточный патрон.

– Простой затвор! А нельзя полуавтоматический?

– Надежность. Вес. Дальнобойность.

– Поняла.

– Чистить не забывай. На карабине – ночной прицел.

– Вижу.

– Патронташ на двадцать три обоймы по десять патронов. Все пули разрывные.

– Ого!

– Чтоб надежно. Но учти, не перестреливайся ни с кем. Чуть что – пальни пару раз и удирай.

– Идет.

– А с волками – завали одного покрупнее, они его начнут жрать, а ты деру. Минут пятнадцать точно выиграешь, а потом они могут просто полениться тебя догонять. Лямки для карабина, повесишь по-спортивному. Револьвер крупнокалиберный…

– Это же твой наградной!

– Он самый. Просто он лучшее, что у нас есть. Работает без смазки, несмачивающаяся поверхность…

– Это как?

– К нему не пристают капельки влаги, значит, нет опасности, что что-то примерзнет.

– А зачем мне вообще револьвер?

– Карабин у тебя на спине, сама на лыжах. Если обстреляют издалека, то успеешь залечь и достать карабин. А если вблизи, то залегать некогда – огонь от бедра.

– О’кей.

– Тридцать патронов к револьверу. Пистолет дамский малокалиберный…

– Как игрушка.

– Второй магазин. Это – в трусики.

– Почему?

– Последний аргумент. И учти: из такого мелкаша стрелять всегда дважды. Одной пули может не хватить.

– Все?

– Нет. Собака…

– Джек.

– Ни в коем случае! Это же наша лучшая племенная овчарка.

– Ты забыл, что это моя собака. Помнишь, я у тебя выпросила его еще щенком, и он у меня всегда спал, пока не вырос и не начал служить? И сейчас он меня обожает.

– Ох, девочка… Ну, хорошо.

– Теперь надо бы слегка попрактиковаться…

– Сегодня ты рано идешь спать. Завтра подъем в четыре часа. Попробуем уложить в две недели то, что другие учат четыре месяца: бег на лыжах и пешие марши с полной выкладкой, приготовление пищи и ночевка, навыки боевой стрельбы ночью и днем, рукопашный бой без оружия, ножом, лопаткой – это все дядя Боб, – связь, морзянка, ориентировка на местности…

Все позади. Позади сумасшедшие две недели и одни сутки. Две недели бешеной гонки и сутки полного отдыха.

Как ни странно, она даже поправилась. Папа кормил на убой. И сам не отставал. Еще бы, он же ее сам всегда гонял, кроме рукопашного боя.

А родственники посмеялись и все. Охота ребенку бегать и стрелять – и пусть. Чем бы дитя ни тешилось…

А правду знают только папа и дядя Боб. Папа сказал, что дяде Бобу можно доверять «на все сто».

Ладно. Список уточнен в процессе тренировок, вещи уложены, волосы коротко острижены, последний раз искупалась в гейзере… Последний? Папа уверяет, что нет, через пару лет все образуется.

Это ее дом. Да, она в прошлом городская девочка, но она здесь живет уже почти три года. И здесь гораздо лучше, чем в городе. Было.

Папа говорит, что все образуется. Но сколько лет пройдет, пока перестанут находить обглоданные человеческие кости?

Прочь! Прочь от этой крови. Хотя бы к пофигистам. А потом… Неважно, что будет потом. Хотя бы не будет крови.

Хорошо в гейзере! Вон, опять ударил фонтан. Она окунулась в последний раз, посидела под водой полминуты, поднялась, вылезла, вытерлась, накинула халат – и ушла, даже не оглянувшись.

Весь дом еще спал, когда Нелли, Дэн и Боб закончили свой обильный завтрак, оделись, обвешались амуницией и оружием и двинулись к выходу. Снаружи уже ждал Джек, весело потявкивая.

– Папа, а ты-то чего так навьючился?

– Да провожу тебя один переход. А на обратном пути мне кое-что проверить надо.

Они дошли до парапета, где стояли шлюпки. Боб приладил шлюпочные тали и спустил их – сначала Дэна, затем Нелли, затем лыжи и, в конце, Джека.

– Счастливого пути, – крикнул Боб.

– Спасибо, дядя Боб, – ответила Нелли. – До свидания.

– До свидания.

Весело бежать с отцом по реке. Весело носится вокруг Джек. А волков не видать.

– Папа, а где же волки?

– Волки – животные ночные. Это возле нас они крутились постоянно. А так…

– Папа, а медведи?

– Очевидно, в спячке. Но хватит болтать, береги дыхание. Трепаться можно и на привале.

Хорошо бежит отец, как молодой. Ладно пристроен на боку десантный автомат, большой ранец ничуть не стесняет его движений.

Четыре двухчасовых перегона с десятиминутными привалами. Неплохо. Нелли порывалась бежать еще, но отец остановил:

– Ты не на тренировках. Ну-ка, определись, где мы находимся.

С десантной рацией это пустяки. Сначала обшарить антенной горизонт. Индикатор спутника быстро загорелся. Теперь послать запрос и через минуту получить ответ.

– Отметь на карте.

– Вот. Это получается… пятьдесят пять километров по прямой.

– А с учетом поворотов – больше семидесяти. То, что надо. Пошли наши координаты дяде Бобу и отключись.

– Уже посылаю.

– Так, что у нас на ужин?

– Сейчас узнаем. Джек, на охоту.

Джек скрылся в прибрежных кустах. Минут через десять раздался лай, и на лед выскочили два зайца. Увидев людей, бросились врассыпную.

– Я правого, ты левого. Огонь!

Джек принес обоих и весело вилял хвостом.

– Неплохо. Хватит на ужин и на завтрак, но вообще-то лучше олень. Ладно, за работу, руби кусты.

Ужин на природе, почти пикник. Потом они наслаждались сосновым чаем, передавая друг другу котелок.

– Смотри, дочка, начало хорошее. Но впереди – более двух тысяч километров по прямой. Считай, все три с половиной тысячи. Это хорошего хода пятьдесят дней без передышки. А на юге через два месяца уже может начаться весна.

– То-то ты мне устроил такой короткий курс.

– Вот именно.

– А почему бы не пойти напрямик по дорогам, почему ты хочешь, чтобы я шла по реке?

– Напрямик – это через волков и людей, да и снег глубокий. А река широкая, всегда можно держаться от берега подальше. Но мимо городов лучше проходить ночами.

– Уговорил.

– А теперь – костер. Помнишь правило?

– Поставить побудку на каждые два часа, чтобы подбрасывать веток в костер.

– Верно. Но и я тут с тобой. Так что поделим побудки поровну.

– Ух и задаст тебе мама нагоняй, когда вернешься.

– Не бойся, не задаст. Ну, давай баиньки.

Лыжи пристегнуты, ранцы за плечами. А утро туманное, грустное.

– Папа, – Нелли хотелось оттянуть расставание, – я там, вроде бы, видела следы.

– Верно. Ночью нами интересовались волки. Но близко к огню и к железу они не подошли. Только Джек немного поворчал.

– И дальше так будет?

– Возможно, разве что попадутся отменно голодные. Ну, хватит трепаться, идем!

– Что?

– Идем. Нас ждут мирные пофигисты.

– Пап… Как же ты?

– Я с тобой – и точка.

– Почему?

– Когда я устроил тебе тренировки я сам не знал, на что надеяться – что ты все лихо пройдешь и уйдешь на юг, или что ты сломаешься и останешься дома. Ты не сломалась. А в глазах твоих я вижу собственный портрет – портрет решительного упрямца. Так что выбора ты мне не оставила.

– А дом, а братики? А мама?

– Дома остался за старшего дядя Боб, майор коммандос, хоть и актированный по ранению. Им там ничего не грозит. А мы – на юг. И если все удастся – может быть, еще все наше семейство туда увезем.

– Нет. Если удастся, то мы должны найти добровольцев и вернуться – спасать озверевших людей.

– Романтичная же ты девочка. Вся в меня. Думаешь, так легко найти добровольцев?

– Одного я уже нашла.

– Ну, если так, тогда с Богом. Вперед!

Через несколько дней они втянулись в рутину. Обтирание снегом, чистка зубов, ботинок и оружия, завтрак, четыре двухчасовых перегона с десятиминутными интервалами, ориентировка, короткий выход на связь с Бобом или с кем-нибудь еще, охота с Джеком или рыбалка в подходящей полынье, рубка дров, приготовление пищи, отход ко сну с побудками для костра. По семьдесят и больше километров в день.

Лес стоял по обеим сторонам реки, изредка прерываемый деревушками и фермами. Пару раз их обстреляли издалека, но они тут же отворачивали к противоположному берегу, и их оставляли в покое. Это был глухой северо-запад огромной страны, и в лучшие времена слабозаселенный недалекими упрямыми людьми.

В лесу была дичь, подо льдом было много рыбы. Люди, кто остался, засели по своим домам. Река была пустынна. Куропатки, белки, зайцы, кабаны и олени жирели на брошенных полях, волки, лисы, рыси и куницы жирели за счет куропаток, белок, зайцев и оленей – кабанов не трогали. Казалось, природа отвоевывает свое.

Это соображение как-то высказал Дэн за вечерним сосновым чаем.

= Что ты имеешь в виду, пап? – спросила Нелли.

– Человек является частью природы, но ведет себя как разбойник. Ты, наверное, слышала выражение «покорять природу». Подумай, что это значит. Ведь покорение – это всегда насилие над кем-то. А мы в последнее столетие буквально насилуем природу в общепланетном масштабе.

– Но ведь природа неразумна.

– Волк тоже неразумен, а мстить умеет прекрасно.

– Ты… ты хочешь сказать, что планета нам отомстила, повернув ось?

– Знаешь, – ответил Дэн после некоторого молчания, – это было бы только справедливо.

Волков они почти не видели. Обычным сухопутным зверям незачем было выходить на замерзшую гладь великой реки. Тем не менее, по утрам они, как правило, видели волчьи следы недалеко от своих стоянок.

Но как-то раз под вечер стая в восемь голов пересекала реку в полукилометре впереди них и остановилась посередине реки. Вожак повернул голову в их сторону. Они остановились.

– Что будем делать? – спросила Нелли.

– Стоять бессмысленно.

– Повернем – они пойдут за нами.

– А всех не перестреляешь. Ну, завалим трех-четырех, остальные разбегутся. Но и для стрельбы надо сократить дистанцию.

– Неужели они не поймут, что нам надо только пройти?

– Они только что вышли на охоту, они еще голодные.

– Ладно, оружие в руках, но стреляем только в крайнем случае. Джек, к ноге. Рядом.

Они медленно заскользили вперед, забирая к правому берегу. Джек ворчал, но от Нелли не отходил. Вожак следил за ними, но никаких действий не предпринимал.

На траверзе стаи расстояние сократилось не более чем до двухсот метров. Вожак по-прежнему не реагировал. И вдруг Джек напрягся как струна, Нелли едва успела схватить его за холку:

– Не сметь, Джек.

С правого берега весело скатился молодой волк, почти волчонок. Не разбирая дороги, он бросился к своим и затормозил всеми четырьмя лапами в каких-нибудь тридцати метрах от людей. Вожак поднял переднюю лапу, навострил уши, выпрямил хвост. Вся стая как бы подобралась. Джек напряженно застыл. Дэн держал палец у спускового крючка.

И тогда Нелли медленно сняла руку с шейки карабина и начала водить рукой по воздуху, как будто предлагая волку пройти. Тот постоял, затем вдруг лег на брюхо и пополз.

Он полз, стараясь не смотреть на людей, и люди старались не смотреть на него, и даже Джек закрыл оскаленную пасть. Наконец волк прополз перед ними, осторожно встал, сделал несколько робких шагов – и опрометью бросился к стае.

Вожак опустил лапу, внимательно посмотрел на людей, с мощным сипением втянул воздух, словно запахи запоминал, повернулся и повел стаю к левому берегу.

Казалось, об этом случае стало известно. Так или иначе, не прошло и двух дней, как мимо них протрусила пара волков, даже не повернув головы. Да и Джек перестал обращать на волков внимание.

А еще через пару дней Дэн объявил привал в полдень:

– Впереди город. Пройдем ночью. Сейчас ляжем спать. У нас с собой еще килограмма четыре рыбы, на ужин и на завтрак.

Город был на правом берегу. И хотя это было опасно, неудержимое любопытство тянуло их к набережной.

Тишина. Мертвая и недобрая тишина. Пустые глазницы окон – казалось, кто-то намеренно выбил все стекла до единого, даже в верхних этажах. Оборванные трамвайные провода. Замерзшие, а кое-где и опрокинутые трамваи. Разграбленные магазины. Пни вырубленного до последнего дерева парка.

И огромное количество кошек. Только кошек. Зеленые и желтые глаза таращились с разных этажей, с фонарей, с крыш киосков. И, почему-то, это было самое страшное.

Мосты. Два моста с целыми стаями кошек на них. Даже неустрашимому Джеку было не по себе – казалось, вот-вот вся стая бросится сверху.

Они миновали город вскоре после полуночи, отбежали еще километров на десять, развели костер и повалились спать.

– Скажи, пап, мне показалось или бывает, что кошки едят людей?

– Трупы. Кошки едят трупы. Я тоже этого раньше не знал, но узнал из сводок контрразведки.

А еще через день Дэн резко затормозил:

– А ну-ка, дочка, что это за следы?

Нелли вгляделась:

– Медведь? Не может быть, он должен быть в спячке. Проснулся, что ли?

– А что это у него? Шерсть везде растет, чуть ли не на пальцах?

Следы заканчивались у большой полыньи и вновь начинались у другого ее края.

– Это мне совсем не нравится, – заметил Дэн после некоторого молчания. – Стоит потратить немного энергии для выяснения обстоятельств.

Он достал свою, более мощную, рацию и вызвал шифром Боба. Минут через пять Боб ответил лаконичной фразой. Затем Дэн вызвал еще каких-то людей, пару раз менял частоту. Еще минут через пятнадцать он отключился.

– Плохо дело. Это белый медведь.

– Как он здесь оказался?

– Пришел вслед за оленями. Видать, полярные моря замерзают окончательно, вот и они мигрируют. Их уже видели в нескольких местах.

– А белый медведь не спит зимой?

– Никогда. Он очень активен и питается любым белком животного происхождения. Попросту говоря, жрет все что движется, включая человека. И очень смело нападает, хоть на суше, хоть в воде. Кстати, любит купаться, так что от реки с ее полыньями не уйдет.

– И что будем делать?

– Увидишь – стреляй. Бей в голову и не жалей патронов. Это страшный противник.

На следующий день около полудня они издалека увидели большую полынью. Обоим сразу захотелось рыбки, Джек тоже не возражал.

Они, не сговариваясь, ускорили бег. Дэн уже тормозил в двадцати метрах от воды, когда оттуда вынырнул белый медведь с рыбой в зубах. Одним махом выскочив на лед, он выплюнул рыбу, пришиб ее лапой, зарычал и бросился к людям.

Дэн неудачно подвернул лыжу и упал. Джек храбро бросился в бой и попытался вцепиться медведю в зад, чем слегка задержал его движение. И тут мелькнула пехотная лопатка и из очень неудобного положения – снизу вверх – ударила медведя в шею. Хлынула кровь, медведь рухнул, немного подергался и затих.

– Как ты его? Вот спасибо дяде Бобу, чуть голову ему не отрубила.

– Я сама не знаю как. Было такое ощущение, что лопатка сама повела мою руку.

– Я и говорю: спасибо дяде Бобу. Но ты себе не представляешь, как нам повезло.

– Чудом спаслись.

– Это тоже, хотя полусекундой позже он бы у меня все равно получил очередь разрывными. Но у нас теперь дневка – полтора дня.

– Ого. Почему так много?

– Мы с тобой уже двенадцатый день бежим без перерыва. А над медведем все равно придется потрудиться. Так вот: разделываем медведя, берем побольше мяса и сала, рубим побольше дров, сало надо закоптить – это один из самых высококалорийных натуральных продуктов, возьмем с собой килограммов десять. А завтра с утра – стирка, сушить будем у костров. И, разумеется, жрем мяса от пуза.

Это был замечательный день. А самое интересное было кормить волков. Достаточно было подойти с куском мяса на метр расстояния, положить мясо на снег и отступить обратно на метр. Волк подходил, осторожно брал, потом отходил и вежливо усаживался в сторонке, чтобы не мешать остальным.

– Папа, а почему волки едят своих?

– Только погибших и только зимой. Специально друг на друга они не охотятся.

– А… почему люди?

– Не знаю. Я стараюсь об этом не думать. Но… да, люди ошалели от катастрофы. Каннибализм случался и раньше, но исключительно редко, и только вследствие жуткого голода. А тут голод еще не наступил, а все уже…

– Неужели человек так плох?

– Не знаю. Но вот заметь: в политических кругах бытовало выражение – «съесть человека». Имелось в виду, что свои же товарищи по партии ополчались на кого-то одного и крушили ему карьеру, выгоняли с позором отовсюду…

И снова забег. Четверть пути позади. Отдых, пища, чистое белье – с новыми силами вперед. И они уже достаточно втянулись, чтобы разговаривать и на ходу.

– А что нового от контрразведки, пап? Дядя Боб их слушает?

– Разумеется, и суммирует для меня. Но сейчас все тихо. Не только вся страна – весь континент засел по домам и лагерям. Банды тоже перестали шастать – теперь уже все вооружены и настороже.

– А что будет потом? После гражданской войны?

– Не знаю. Кто-нибудь победит и возьмет власть в свои руки. Скорее всего, армия.

– Будет военная диктатура?

– Вероятно.

– Но ведь это ужасно.

– Почему? По крайней мере, прекратится каннибализм.

– Но ведь людям нужна свобода, нужна демократия.

– С чего ты взяла?

– Но ведь это каждый школьник знает.

– Вот именно. А я давно уже не школьник…

– Папа, а как можно без свободы?

– Как у пофигистов. Кстати, боюсь, это самые свободные страны на свете.

– Почему?

– Демократией там и не пахнет. Какая разница: пьяный король, пожизненный президент или хунта полковников? А свободы – хоть залейся, пока ты не мешаешь правящим кругам.

– Как?

– А всем пофиг, что ты делаешь и что говоришь.

– Послушать тебя, так лучше диктатура, чем демократия.

– Не так. Просто на самом деле свобода личности при демократии вовсе не так велика, как кажется. А жить можно и при диктатуре. Проблема в другом. Бывают общества идейные и безыдейные. И если ты окажешься в идейном обществе, но не будешь разделять его идеи… Диктатура с тобой расправится, но и демократия едва стерпит…

– Неужели за всю свою историю человечество не смогло выработать хорошего свода законов?

– Во-первых, мало хорошего закона, нужно еще хорошее исполнение хорошего закона. Во-вторых, все невозможно зарегламентировать, в прошлом уже пытались законодательно заставить людей есть ножом и вилкой и пользоваться носовым платком. Но, главное, закон должен быть нейтральным относительно того, кто его применяет. В результате, плохие люди тоже извлекают свою выгоду из хороших законов.

– Значит, надо улучшать людей.

– Ох, как много пытались! Перебрали, мне кажется, все на свете. Если не ошибаюсь, один автор классифицировал все варианты и пришел к выводу, что есть только два пути: добровольное рабство или принудительная свобода.

Они шли уже по местам, которые в прошлом были более заселены. Как-то раз они проходили мимо небольшой фермы. Дом и хозяйственные пристройки стояли немного на взгорье, к реке спускалась утоптанная тропинка, к мосткам. Они не сразу заметили, что там человек набирает из проруби воду в ведра. Видимо, он их не услышал, поднялся, навесил ведра на коромысло, выпрямился, увидел их…

Огромный спектр чувств отразился на бородатом помятом лице: удивление; испуг; мысль об оружии; досада, что оружие осталось дома; страх.

Рука Дэна легла на автомат; рука Нелли легла на револьвер; Джек оскалил клыки. Они приближались; фермер застыл под коромыслом, лицо его было искажено страхом.

Нелли убрала руку с револьвера, потрепала Джека, Дэн положил руку поверх автомата. Фермер с шумом выпустил воздух, осторожно поднял руку… и помахал ею. И даже попытался улыбнуться.

– Здорово мы его напугали, – сказала Нелли, когда ферма скрылась за мысом.

– Он уже с жизнью прощался. И, кстати, будь он при оружии, не миновать нам было стычки. Надо держаться осторожнее.

Все чаще стали попадаться пристани, дебаркадеры. Оказалось, что на дебаркадерах ночевать удобнее: можно было найти подходящую комнату, забаррикадироваться и не утруждать себя поддерживанием огня.

Однажды они нашли дебаркадер, в котором на кухне стояла вполне исправная угольная плита. Нашелся и запас угля. А через несколько минут Джек выгнал из лесу молодого кабанчика, Нелли его тут же уложила. Они затопили плиту, забаррикадировались в кухне – и через какой-нибудь час разделись до кальсон. Решено было устроить назавтра еще одну дневку, постирать, накоптить сала, полакомиться кабанчиком и вообще впервые за месяц посидеть в тепле.

Но ночью их разбудил Джек.

Джек ткнул носом сначала Нелли, потом Дэна. Дэн сразу проснулся, но Нелли не хотела. Тогда Джек лизнул ее в лицо.

Нелли фыркнула было, но горячее дыхание собаки, казалось, призывало к молчанию. И на то была причина: были слышны голоса.

– Ты ж говорил, ты это место знаешь?

– Знаю, просто темно. – Что-то грохнуло за стеной. – Вот, сюда. Тащи ее.

За стенкой завозились, потом послышались шаги.

– Сейчас свечи зажгу.

– Ого. Хорошие хоромы. И часто ты тут бываешь?

– Только по хорошей оказии. Вот как сейчас. Здесь какой-то богач жил, все земли вокруг его. Так он, говорят, терпеть не мог бензина и газа, у него топили только углем. А здесь он, наверное, отдыхал, когда парохода ждал. В лучшем виде: диван, печка, выпивка, правда, не очень, все вина.

– Ладно, тащи ее, пусть согреется.

За стеной опять завозились. Дэн показал Нелли надевать комбинезон и ботинки. Они передвигались осторожно и тихо.

– Развяжи ее, вытащи кляп. Уголь хороший, скоро будет тепло. Давай еще свечей. Люблю симпотных девчонок.

– Мальчики… – раздался робкий голос.

– Мы тебе не мальчики, – они захохотали. – Мальчиков здесь нет, здесь все уже давно мужики.

– И девочек мы любим. По-всякому.

– Хорошо… мужи… ки… Я вам… по-всякому…

– Только чтоб без закуски, да? – хохот стоял громовой. – Это как знать, посмотрим.

Дэн показал Нелли три пальца, она кивнула. Прицепила нож, взяла револьвер. Дэн повесил за спину автомат, пристегнул к ноге свой восточный кинжал, взял пистолет. Патрон не досылал: это можно сделать потом.

За стенкой продолжались крики и хохот. Дэн просигналил Джеку лежать, они с Нелли тихо отодвинули стол от двери, затем Дэн приоткрыл дверь, посмотрел. Пальцем поманил Нелли.

Центральный проход был пуст. Из-за неплотно прикрытой соседней двери виднелся неровный свет. Дэн поставил Нелли у сходен, показал глазами, чтобы она контролировала и проход, и берег, а сам подкрался к двери. Положил левую руку на затвор пистолета, постоял пару секунд…

В одном движении: правая нога вышибает дверь, левая рука досылает патрон; две пули в первую же осклабленную рожу; два шага вперед, полуповорот направо; две пули в волосатую голову шарящего у девушки под юбкой…

Худой и невысокий третий бандит выскочил за спиной Дэна в проход и бросился к сходням; Нелли выстрелила, промахнулась; бандит ударил ее в лоб, она упала, выронив револьвер; бандит перескочил через нее; пятка Нелли полукругом подсекла ему обе ноги; падая, он получил удар в висок кастетной рукояткой ножа.

Нелли вскочила, подобрала револьвер. Бандит не шевелился. За стеной раздался одиночный выстрел, потом второй. Тогда и Нелли подошла к лежащему бандиту, взяла револьвер обеими руками, взвела курок и сделала контрольный выстрел в голову.

Когда Дэн вышел в проход, поддерживая девушку в полуобморочном состоянии, он увидел совершенно голую Нелли в сугробе. Она растиралась снегом.

Ей казалось, что никаким снегом не очиститься от убийства.

Они сидели втроем в кухне, пили чай и молчали. Девушка медленно приходила в себя, Нелли была с каменным лицом, Дэн хмурился. И только Джек повиливал хвостом, чувствуя себя превосходно.

– Откуда вы? – спросил Дэн.

– Меня зовут Гетта Орх, мне шестнадцать лет, я из столичной студии балета, – ответила девушка. – Каждое лето мы здесь гостим, в латифундии господина Пеля, он большой меценат. И последним летом мы здесь гостили, всей студией, с преподавателями. А тут началось! Господин Пель, уезжая, сказал, что пришлет за нами автобус. И прислал. Но его работники захватили автобус, убили шофера и сами уехали на нем. А мы остались. В доме и на складах было много еды, и сейчас есть. Все вокруг разбежались, было тихо как на необитаемом острове. Но потом появились банды. Сначала одна, потом другая, – девушка всхлипнула. – Был случай, две банды перестрелялись из-за нас. Сначала мы думали откупиться едой, но оказалась, что они уже приохотились… к особой еде… – девушка замолчала.

– Как далеко ваш дом? – спросил Дэн.

– Отсюда километров десять по дороге.

– Утром мы вас проводим.

Вскинув лыжи на плечи, они шли по заснеженной дороге. Гетта оказалась хорошим ходоком, и через два часа они дошли.

Старший наставник Онер не находил слов благодарности:

– За последние два месяца они похитили шесть девушек. Мы уже и про Гетту все глаза выплакали.

– У вас есть оружие? – спросил Дэн.

– Нет у нас никакого оружия, – ответил Онер. – А если б и было, что толку? Мало иметь оружие, нужно еще быть способным его применить. Ведь у нас все воспитанники и воспитанницы обучены рукопашному бою.

– Да ну?

– Вот вам и «ну». Это прекрасный способ развития тела и наращивания мышц без потери пластики. Так что, теоретически, Гетта вполне была способна их всех раскидать.

– А что вы будете делать дальше? Скоро весна, лето.

– Здесь остался семенной фонд, парники. Постараемся обустроиться.

– Я не о том. Люди вылезут из своих нор. Самые разные люди.

– Я понимаю.

– Вы пытались связаться с армией?

– Пытались. Одно время здесь появлялись разъезды, потом прекратились.

– Я свяжусь с полковником Плаубом, это округ его дивизии. Я попрошу его возобновить разъезды.

– Спасибо. А я нижайше прошу вас попариться в бане, девочки вам все постирают, а потом обед. И хлеба напечем.

Вечером, на очередном дебаркадере ниже по реке Нелли, наконец, заговорила:

– Что-то очень неправильно. Эти балерины добрейшие создания – и не могут за себя постоять, на них буквально охотятся. А я оказалась способной на убийство. Я знаю, все правильно с точки зрения и закона, и морали. Но факт: я сделала из человека труп.

– Из бандита.

– Хорошо. Из бандита. Кто-нибудь мог попытаться сделать из него человека, а я сделала труп.

– Ситуация не позволяла тебе поступить иначе.

– А почему я оказалась в этой ситуации?

– Так легли наши карты.

– Значит, мы плохо сыграли.

– Дочь моя, это все философия. Ты прекрасно прошла боевое крещение, но, пожалуйста, в следующий раз не промахивайся и не закатывай истерик.

– Боевое крещение. Освятилась кровью.

– Не каждому это дается. Не говоря уже о победе из положения лежа.

Они вновь проходили города по ночам. Это была уже степная зона, олени и белки исчезли, зато к зайцам добавились кролики. Но в этих быстроногих тварей было очень трудно попасть, а Джеку было их не догнать. Поэтому рыбный рацион стал основным.

Рыси и куницы остались в лесах, но появилось много шакалов. Эти нахалы подходили очень близко, скалились.

– Наглые трусы, – прокомментировал Дэн. – Нападают только при огромном численном превосходстве. Будем целенаправленно искать дебаркадеры или даже просто хижины на берегу. Это очень опасное соседство.

Нелли не ответила. Она теперь очень много молчала и думала.

Вскоре левый берег превратился в высокий горный хребет. Шакалы исчезли. Вообще исчезли всякие животные и птицы. Дэн забеспокоился, взял полевым анализатором пробы воздуха, он оказался чистым. Радиометр тоже молчал. Правда, рыба осталась в реке по-прежнему.

– Это горы, окружающие Теплый Край. В них очень мало проходов, и все они контролируются полевой жандармерией. Я полагаю…

Очередь красных трассирующих пуль вспорола воздух метрах в ста впереди. Слева направо.

Они бросились под крутой левый берег.

– Отходим назад. Они, чего доброго, будут прочесывать реку.

– Но нам надо пройти.

– Ночью перейдем на правый берег и пойдем по суше.

Никто не искал их, никто не прочесывал реку. В темноте они поднялись на правый берег и пошли заснеженной степью.

А впереди их ожидала странная иллюминация. Над рекой зависли на парашютах осветительные ракеты. Не успевала выгореть одна, как с левого берега взлетала другая. Участок реки был освещен почти до противоположного берега. Снег на этом месте был покрыт большим количеством темных предметов.

Они подобрались ближе к реке, Дэн выбрал хорошо скрытый наблюдательный пункт, достал бинокли – простой и ночной, – и они начали осматриваться.

У левого берега была небольшая пристань. Прямо перед пристанью виднелась изо льда надстройка затонувшего парохода. От пристани вверх шла дорога. А поперек дороги был вкопан бетонный каземат. Из каземата торчали три орудийных ствола («семидесятипятки» – прокомментировал Дэн), а с боков виднелись две турели с крупнокалиберными пулеметами.

На льду же было разбросано огромное количество чемоданов, рюкзаков, всевозможных сумок, инвалидных тележек, детских колясок… Трупов не было.

– Полцарства за похороны, – прошептал Дэн.

Они не останавливались всю ночь, пытаясь уйти возможно дальше. Нелли предложила вообще не останавливаться, пока они не минуют Теплый Край.

К утру они вышли к шоссе. Шоссе пересекало степь с запада на восток, поднималось на мост через реку и упиралось в огромную груду каменных глыб и щебня. И весь мост был усеян какими-то выступающими из-под снега черными пятнами.

Дэн сверился с картой:

– Это шоссе номер семьдесят шесть дробь два. По ту сторону должен быть туннель… Ага, вход в туннель взорвали. Но что это за пятна?

Любопытство возобладало, и они поднялись на мост.

Здесь дрались за каждый метр. Снег, полный стреляных гильз, трещал под ногами. Защитники не отступали, они лежали там, где их настигла смерть, вдоль всего двухкилометрового моста. И они все были обуглены.

– Не пожалели бензина, не поленились всех сжечь. Хоть какие-то, но похороны.

– До чего мы дожили, – прошептала Нелли, – радуемся трупам.

Они вновь пошли по реке и остановились только когда горы слева отвернули к востоку, а у полыньи они увидели следы шакалов.

Уплетая рыбу, Нелли спросила:

– Интересно узнать, кто там воевал?

– Я уже узнал. Мост защищала Пятая бригада полевой жандармерии, а их атаковал Девятый батальон коммандос – тот самый, где когда-то служил дядя Боб.

– Сколько это – бригада и батальон?

– Бригада – две тысячи человек, батальон – четыреста.

– Ничего себе – соотношение сил!

– Жандармы – плохие вояки, они натасканы подавлять собственный народ. А коммандос – просто машины убийства, их невозможно остановить. Когда комбат, подполковник Куру, узнал о бойне на подступах к Теплому Краю, он наплевал на все приказы и повел свой батальон по ближайшей дороге на штурм. Жандармы защищали мост, вызвали подкрепление, в конце концов здесь собралась вся бригада. Куру положил половину своих и погиб сам, но они прошли мост до конца, перемолов всех защитников. Когда командир бригады полковник Зель увидел, что мост не удержать, он взорвал за своей спиной туннель. Потом солдаты сожгли трупы жандармов, а своих похоронили в братской могиле. Могилу, до лучших времен, замаскировали.

Через два дня они отдыхали на одном из островов дельты. Здесь стоял брошенный маяк. Они забрались в домик смотрителя и отдали должное мягким кроватям и чистым постелям.

– Ну, дочка, остались сущие пустяки – без малого, шестьсот километров по прямой.

– А с малым?

– Вот то-то и оно. По прямой – это через море. Море замерзло гладко, так и тянет рвануть по прямой. С маяка, сколько хватит глаз – чисто. Но весна на носу. Опыта Большой Зимы у нас пока нет, мы не знаем, когда тронется лед. А оказаться на льдине в море…

– Сейчас отдыхаем, едим много рыбы. Выступаем завтра с раннего утра. Рыбу не ловим и с собой не несем, варим концентрат на плитке, тратим на пищу минимум времени. Пройдем за пять дней.

– Ты уверена?

– Пройдем за пять дней.

Они прошли за пять дней. Пять сумасшедших дней, когда человек не видит почти ничего, кроме кончиков собственных лыж.

Было около шестнадцати часов. Внимание их привлек странный предмет, неожиданно выросший перед ними. Это был четырехметровый столб с какими-то заснеженными лопастями на верхушке. Нелли подошла к столбу, машинально попыталась счистить с него снег:

– Он какой-то… членистый.

– Дочка, это… это пальма! Замерзшая, но – пальма!

– Откуда пальма на льдине?

– Пальмы растут выше максимальной линии прилива, дочка.

Нелли оглянулась. Позади них был легкий, но длинный подъем, с лыжней и следами Джека. А вокруг небольшими группами стояли заснеженные пальмы.

Они сбросили оружие, ранцы, ремни, отстегнули лыжи и уселись прямо в снег, привалившись спинами к пальмам. Джек свернулся клубком. Так прошел час, в полном молчании. Затем Дэн достал плитку, котелок, концентрат, сухой спирт, зажигалку, ложку, набрал полный котелок снега, бросил туда три кубика концентрата, запалил спирт, поставил котелок на плитку. Через двадцать минут он уже помешивал варево. Нелли достала свою ложку:

– Надо Джеку оставить.

– Давай лучше свой котелок, наварим еще.

– О’кей. Ух, горячо. Ну, куда дальше? Ты здесь раньше бывал?

– Да. Тут в пяти километрах городок, в нем небольшой порт. В первый свой рейс штурманом мы пришли сюда, и я все свободное время провел в библиотеке местного колледжа, чуть к отплытию не опоздал. Очень хорошая библиотека.

– Бывает. А вообще, что будем делать?

– Я еще из маяка начал переговоры с кем надо.

– Погоди, это же другое государство.

– Эх, дочка. У меня остались связи с нашей контрразведкой, а у нашей контрразведки есть связи с ихней контрразведкой.

– Почему?

– Разведки всегда воюют друг с другом, даже в мирное время, даже между союзниками. А контрразведчикам делить нечего, они везде псы одной масти и прекрасно снюхиваются друг с другом.

– Чем больше я узнаю о людях, тем больше понимаю волков.

– Короче, полковник Кело Подо из здешней хунты весьма заинтересован создать совместное предприятие для поставок горючего на Север. Известный бизнесмен, капитан дальнего плавания Дэн Юстис кажется ему подходящим компаньоном. В общем, будут деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.